

СУДЬБА НА БИС

СТАХЕЕВА ИРИНА

Ирина Стахеева

Судьба на бис

«Автор»

2026

Стахеева И.

Судьба на бис / И. Стахеева — «Автор», 2026

Я была вполне довольна своей судьбой. Любимый муж, родная церковь, сносная работа. И вернуть меня в детство, чтобы я год за годом вновь проживала свою жизнь, точно не просила. Но что если Бог отправляет миссионеров не только в другие страны, но и в прошлое? Первая часть дилогии.

© Стахеева И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2.	15
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	67

Ирина Стахеева

Судьба на бис

Глава 1

Глава 1. Загадочный попутчик.

Обнявшись, мы с мужем сидели молча на нижней полке пустого купе. Пока кроме меня других пассажиров не наблюдалось, а потому не было помех нашему недолгому уединению перед расставанием. И хотя поезд готов был тронуться с минуты на минуту, мы не хотели прощаться.

- Провожающие, освобождаем вагон, - который раз повторила проводница, проходя мимо нас.

Наконец, Иван очень нежно отстранился.

- Мне пора. Обязательно сообщи, когда доедешь. Да я и сам тебе еще не раз позвоню.

Ваня перекрестил и чмокнул меня на прощание, как было заведено в нашей семье, а затем вышел на продуваемый январским ветром перрон. Я же последовала в коридор купейного вагона, чтобы в окно еще раз взглянуть на любимого мужа. Раздался характерный звук трогającego с места поезда, и платформа медленно поплыла назад, унося с собой, стоявшего на ней Ивана.

Я, стараясь не расплакаться, замахала в ответ на взлетевшую в прощальном жесте руку мужа. Иван уже скрылся из вида, когда в окне мелькнул знакомый женский силуэт. Это была прихожанка нашей церкви. А вот имя её я никак не могла вспомнить. Она медленно шла в том же направлении, что и поезд. Должно быть, тоже кого-то провожала. Не просто же вышла прогуляться с утра вдоль перрона. Я моментально отпрянула от окна, чтобы не засветиться перед ней. Нет, мы не враждовали. Да только куда проще спрятаться от человека, чем пусть даже на миг поймать на себе его взгляд, растеряться, почувствовать ужасную неловкость от неумения быть любезной и естественной в разговоре... Понимаю, не правильно всё это и, пожалуй, глупо. Но куда деваться от своей чрезмерной робости и закрытости? Трудно мне дается общение. Боюсь налаживать контакты и неожиданных встреч со старыми знакомыми не люблю. И потому иногда меня таким вот образом клинит. Когда вдаль уплыл и силуэт знакомой женщины, я облегченно вздохнула и вернулась в купе.

Ну, вот и все. Ближайшие несколько дней нам с мужем предстоит провести порознь. Так надолго мы еще ни разу не расставались. Даже отпуска всегда подгадывали вместе. А тут из-за каких-то герконов приходится ехать в командировку... Если бы не экономический кризис, из-за которого все в ужасе вцепились в свои даже самые непрестижные и неперспективные рабочие места, я ни за что не согласилась бы на требование начальства отправиться в Рязань, дабы разобраться с поставками. В конце концов, это дело снабженцев. Неужели на всем предприятии только метролог (то бишь я) знает, что такое геркон?

Глядя на проплывающий за окном заснеженный лесок, в мыслях я продолжала свой недавний горячий спор с начальником. Два раза звякнул телефон, оповещая о пришедших сообщениях. Поневоле пришлось на него отвлечься. Одно смс было от Ивана о том, как сильно он меня любит и с нетерпением ждет возвращения. Вторым – старшая сестра Варвара информировала, что на этот раз Гена ее окончательно достал. Геннадием звали ее мужа и по совместительству – очень проблемного человека.

Несколько мгновений я колебалась, не узнать ли подробности инцидента с помощью ответного смс? Варя поймет, она всегда всех понимает и знает о моей фобии телефонных раз-

говоров. Но, подавляя в себе мимолетную слабость, я все же набрала номер сестры, пока окончательно не успела испугаться, и поинтересовалась в трубку.

- И что он теперь натворил?

- Ты представляешь!? – взорвался телефон возмущением Варвары. - Я даже не поняла, что это удар. Просто отлетела в сторону и стукнулась головой. Еще недоумевала, отчего скулу перекосило.

- Подожди, - не веря ушам, уточнила я, - то есть, мало того, что этот альфонс столько лет живет за твой счет, так он еще и руку на тебя поднял?

- Прикинь!

- Слушай, ну это уже перебор! Так оставлять нельзя. Нужно обязательно заявить в полицию.

- А смысл? Что изменится? Нет, Настя, это конец. Я подаю на развод.

После разговора с сестрой, на душе стало еще тяжелей. Хорошо хоть в купе я до сих оставалась одна, а, значит, никто не помешает моим невеселым думам. Сперва командировка, в которую по идее должна была ехать совсем не я. Вынужденная разлука с мужем. Теперь еще это.

К разводу в нашей семье относились резко отрицательно. Да и в любой семье – это настоящая трагедия и полный крах жизненных надежд. Но видно Гена действительно в этот раз перегнул палку. И бесконечное терпение сестры расценил как дозволение агрессии.

Эх, Варя, Варя! Комсорг в школе. Староста группы в институте. Умница, красавица, вечно за всё и за всех переживающая. Отличный работник и бойкая женщина, способная с пинка открыть дверь даже к генеральному директору своего предприятия. В семейном же кругу становилась тряпкой, о которую вытирал ноги собственный муж. Когда я намекнула Гене, что на работе перед его женой все мужики ходят по струнке, он отнесся к моим словам, как к ничего не значащему трёпу.

До недавнего времени я только недоумевала, как вообще получилось, что Варваре настолько не повезло в браке? Но три дня назад меня просветили о закономерностях подобных случаев. И произошло это на подготовительных курсах будущих волонтеров при реабилитационном центре для наркоманов. Да, да, помимо работы на предприятии я решила ввязаться в волонтерство. Вот такой я странный человек. Впрочем, муж во всем меня поддержал, а мнением остальных восьми миллионов населения земли я не интересовалась.

И вот на подготовительных курсах я старательно конспектировала перечень проблем, какие возникают в семьях наркоманов, пока неожиданно не обнаружила, что листы исписаны историями из семейной жизни родной сестры! Но как такое возможно? Ее муж Геннадий не был ни пьяницей, ни наркоманом, и тем не менее, ситуация вырисовывалась идентичная.

Тогда-то, начав задавать лектору вопросы, я впервые узнала о созависимости и что эта беда напрямую касается Варвары. Созависимость – это когда человек настолько поглощен чужими проблемами и способами их разрешения, что полностью забывает о своих, в результате страдают как опекаемый, так и опекающий.

А еще в ребцентре узнала, что абьюзеры (агрессоры, типа Гены) встречаются и среди непьющих. И что в брак с ними обычно попадают люди из неблагополучных семей.

И вот с последим, я была не согласна от слова совсем. Уж наша-то семья всегда считалась образцово-показательной. Ни пьянства, ни ругани отродясь дома не было. У отца с матерью высшее образование, каковым они обеспечили и нас с Варварой. Даже до сих пор родители старались нас с сестрой всячески поддерживать, в том числе и финансово.

Хотела я с сестрой обсудить новую информацию, но вдруг все завертелось – неожиданная командировка, препирательство с начальством, слезы перед мужем в желании выговориться. Тем временем, оказывается, у Варвары дела шли всё хуже. И вот вдобавок ко всему Гена, окончательно потеряв совесть, дошел до рукоприкладства.

Пытаясь отогнать темные мысли, я стала просматривать в телефоне иконки программ. Взгляд остановился на Библейском приложении «My Bible». Различные переводы Священного Писания, десятки толкований к нему, справочные материалы и все это богатство без подключения к сети.

Правда, положив руку на сердце, должна сказать, что Библия уже давно перестала быть моим духовным хлебом. Скорее, я использовала её чтобы окормлять других. И приложением этим пользовалась исключительно по работе. Речь идет о моей второй – преподавательской работе. На епархиальных курсах я обучала группу студентов основам Экзегетики. Занятная наука, скажу я вам. Хороший инструмент, если хочешь правильно понимать Библейский текст с исторической, текстологической, культурной точек зрения, да еще в свете толкования святых отцов Церкви. Не то, чтобы Библия требовала какой-то расшифровки, однако нюансы всё же есть. Вот их мы и разбирали пока...

Короче, уволилась я оттуда почти по собственному желанию, потому как курсы довольно скоро накрылись медным тазом. До сих пор бывало и больно и обидно, когда вспоминала фразу нашего епископа, с которой он подписывал соответствующий указ: «Зачем МНЕ учить мирян?». Логика проста - духовное образование должны получать лишь священники, а на мирян епархиальные средства тратить ни к чему. Мол, от них потом всё равно никакой отдачи не дождешься.

О! Я могла бы выдать массу соображений по поводу пользы и значения духовного образования мирян. И, конечно, не преминула бы добавить, что если уж на то пошло, то учить приходилось не владыке, а мне и еще нескольким преподавателям.

Но, разумеется, я промолчала. Как всегда. Да и бесполезно затевать спор с архиереем. В общем, собрала я свои манатки и написала заявление на увольнение с уже не существующих курсов. А так как многие годы привыкла действовать на два фронта, в смысле – две работы, то, как только узнала, что местный ребцентр ищет волонтеров, решила хоть там найти применение своим талантам.

* * *

За окном уже давно пронеслись последние городские постройки. Теперь поезд мчался среди лесов, по временам, верткой змейкой, огибая невысокие холмы. Библейское приложение я так и не открыла. Вместо этого принялась прокручивать новостные ленты в соцсетях. Но потом волевым усилием отложила телефон. Сколько можно пялиться в монитор? И взяла в руки старенькую книжку с проповедями митрополита Антония Сурожского, которую положила в сумку чуть ли не в последний момент перед отправлением на вокзал. Попробовала углубиться в чтение, вспоминая как здорово так вот просто валяться с обычной бумажной книгой в руках, погружаясь в вечные вопросы бытия. Но смысл то и дело ускользал от меня, буквы расплывались, и в их причудливом узоре я могла видеть лишь одно – осунувшееся от нелегкой жизни лицо моей сестры Варвары.

На полустанке какого-то маленького городка дверь купе отодвинулась, и вошел мужчина лет пятидесяти. Выглядел он своеобразно для зимы в средней полосе России. Человека европейского вида загар превратил в настоящего папуаса. Ух! Вряд ли такой цвет кожи ему удалось бы приобрести за пять-десять дней отпуска в Египте или даже в Дубае. Складывалось ощущение, что под солнцем мужчина просто жил, по крайней мере, несколько последних месяцев. Может он иностранец? Вон и одежда у него дорогая не заношенная. Но гораздо загадочней смотрелась более светлая кожа вокруг пухлых четко прочерченных губ.словно он побрился уже после загара. Сразу вспомнились две смешные иллюстрации из учебника начальных классов. На первой картинке – загорающий под солнышком мальчик, которому почему-то вздумалось положить себе рыбу на грудь. На второй – тот же мальчик, только теперь он совсем смуглый от загара, а на груди белым по черному – четкий рыбий силуэт. Я мысленно улыбнулась, но тут же одернула себя. Нехорошо потешаться над внешностью людей. Да и вряд ли мужчина

разгуливает в столь экзотическом виде по собственному желанию. Вдруг у него болезнь наподобие витилиго?

Что-что, а за многие годы в церкви я научилась не осуждать. Просто останавливала бурный мыслепоток относительно необычного поведения или внешнего вида других людей. А чтобы сработало наверняка, занимала разум Иисусовой молитвой, бесконечно повторяя в голове: «Господи, Иисусе Христе, помилуй мя грешную».

Никаких чемоданов или рюкзаков при мужчине не наблюдалось. Лишь кожаная барсетка. И как такого неординарного дяденьку занесло в мое обычное купе?

Не выпуская книгу из рук, я кивком поприветствовала попутчика, стараясь не подать вида, насколько сильно меня поразила его внешность. И уже вовсе собиралась отвести глаза, но передумала это делать. Взгляд мужчины оказался заинтересовано-изучающим и более долгим, чем это требовали негласные правила приличия. Словно он выбирал себе автомобиль, а не встретил случайного человека.

В ответ и я всмотрелась в него пристальней. Что еще за игры мне тут устраивают? В сознании услужливо всплыла где-то вычитанная информация: «долгий изучающий взгляд при первой встрече обычно предназначен жертвам или тем, к кому испытывают сексуальный интерес».

Ни то, ни другое меня категорически не устраивало. Вариант насчет влечения я отбросила практически сразу. Не той, как говорится, я комплекции и возраста, чтобы вот так запросто ко мне воспылать. Это только Ивану безразличными казались лишние 30 кг, с годами облепившие мое болезненное тело. Но муж вообще личность неординарная. А такому хлыщу, прохлаждающемуся на югах, наверняка нужно что-то иное. Версия о жертве мне нравилась еще меньше. А потому, на всякий случай я решила держаться с незнакомцем настороже.

Впрочем, знала я как минимум еще одну причину для долгого первого взгляда. Как-то Иван признался, что всегда с интересом рассматривает лица незнакомых людей. Ему нравилось незаметно заглядывать в глаза, пытаюсь угадать, чем живет человек и что его заботит. И он неизменно приходил в восторг от того, настолько все люди разные, уникальные, и в каждом без исключения ему виделся образ Божий. Привычка эта осталась у него с детства. Дети тоже не отворачиваются от незнакомцев. Иван даже как-то спросил меня:

- Отводить глаза люди приучаются только с возрастом. Вспомни, почему это делаешь ты?

- Наверное, ответственности боюсь, - отозвалась я тогда после некоторого раздумья. - А вообще-то небезопасно зыркать по сторонам. Что если в глазах напротив я увижу нечто, требующее моего вмешательства? В общем энергозатратное это занятие.

Но теперь, не отрывая глаз от своего попутчика со все возрастающим возмущением, думала: «Видали мы и не таких наглецов. Да только и я не лыком шита!». В самом деле, к сорока пяти годам я уже в какой-то степени научилась стоять за себя. Взять хотя бы нашего кота. Не сразу, но постепенно я смогла дать отпор его царским амбициям. Например, в борьбе за место на троне (в смысле, на стуле), я научилась не уступать узурпатору, без разговоров спихивая его на диван, вместо того, чтобы раболепно пристраиваться с краюшку и терпеть неудобства. Может, этот факт кажется таким незначительным. Но именно в таких мелочах незаметно формируется характер.

Как только сосед отвернулся к окну и стал шарить по карманам (видимо в поисках билета), я продолжила чтение, все же частью сознания, не упуская его из вида. Между тем мужчина, как ни в чем не бывало, кивнул зашедшей за ним проводнице и предъявил-таки найденный во внутреннем кармане билет.

- Значит вы до Самары, - уточнила она. И заученно прибавила. - Постельное белье брать будете?

Не отрываясь от книги, я мысленно за мужчину тут же от белья отказалась. Смысл тратить лишние 100 рублей? До Самары осталось часов шесть. Чуток полюбуется на проплывающие мимо заснеженные пейзажи и на выход.

Но неожиданно мужчина ответил на чистом русском, моментально развеяв мои предположения о его иностранном происхождении:

- Разумеется, как же без белья! - с этими словами мужчина подал проводнице тысячную купюру с пренебрежительным, – сдачи не надо. И расстели, милая, мне его. А знаешь, что? Еще официантку пригласи из ресторана.

Продолжая упорно пялиться в книгу, я старалась подавить все возраставшую неприязнь к попутчику. Деньгами сорит, «тыкает» персоналу, опять же ресторан... Ладно. Не суди, да не судим будешь. Не мое это дело.

Пока проводница застилала полку соседу, тот вышел в коридор, не прикрыв дверь купе. Там и нашла его немолодая густо накрашенная официантка в белоснежном накрахмаленном переднике и с таким же чепцом в обесцвеченных завитых волосах. Она заискивающе заглядывала мужчине в лицо и долго за ним записывала, периодически что-то уточняя и давая пояснения, по-видимому, насчет меню.

Понимая, что затевается пир, я решила его опередить. Не хотелось шуршать и мешаться со своими свертками. Распаковав приготовленные мужем бутерброды, я достала пакет сока и, отвернувшись к окну, приступила к трапезе. С первым же куском я поняла, что колбаса в бутербродах вкусная. Нет, не так. **ОЧЕНЬ** вкусная. Я даже приподняла верхний кусочек хлеба, чтобы как следует рассмотреть содержимое бутерброда. Вкусовые рецепторы меня не обманули. Колбаса и внешне смахивала на ту советскую ветчину по 3р. 50к, знакомую мне с детства. Только называлась сегодняшняя колбаса иначе. Муж говорил, но я не запомнила. Сколько лет я не пробовала ничего подобного.

Закончила со своей трапезой я вовремя. Едва смяла пустой пакет из-под сока, как в коридоре послышалось дребезжание тележки, которая вскоре и вкатилась в купе.

Следя, как официантка быстро выставляет тарелку за тарелкой, я заподозрила, что к попутчику скоро придут гости. Потому что нереально одному человеку съесть столько еды, даже если он несколько дней ничего в рот не брал. Там тебе и тарталетки с икрой, и какие-то салаты, несколько тарелок с нарезками. Все это официантка пыталась разместить на крошечном столике, каким оборудовано любое купе, не рассчитанном на столь грандиозное застолье. Поняв всю бесперспективность своих попыток, женщина, наконец, выстроила тарелки с закусками в виде двухэтажной башни, верхние ряды которой базировались на краях нижних тарелок. Затем показались 2 горшочка с горячим и графин с каким-то коричневым алкоголем. И чутье меня не подвело – рюмки она поставила две и вилки тоже. Значит, в самом деле, ожидали гостей. Причем просервировали стол и с моей стороны. А-а-а! Придется поджимать ноги или вообще садиться, когда притащится нежданный гость. Прощай надежда выспаться и почитать.

Попутчик вошел с довольной ухмылкой, потирая руки. Увидев Вавилонскую башню из тарелок, скривился, но вслух не стал комментировать результаты стараний официантки, а только провозгласил:

- Ну-с, приступим! – а потом, указав рукой на изобилие, обратился ко мне. – Угощайтесь. Горячее в горшочке тоже для вас. Официантка уверяла, что говядина наисвежайшая. Я, конечно, сомневаюсь. Но вдруг?

В очередной раз я покосилась в сторону закусок. Принимать подобного рода приглашения от незнакомого человека, тем более столь подозрительного, я не собиралась. Поэтому, зябко поджав ноги, как можно уверенней произнесла:

- Спасибо. Не хочется. Я только что плотно пообедала.

Собиралась уже рывкнуть, если полезет с уговорами, но сосед пожал плечами и просто ответил.

- Тогда можете съесть, когда захотите. Мне одному все равно столько не осилить. А затем, мотнул головой в сторону моей книги.

- Что-то религиозное?

- Угу, - как ни в чем не бывало, подтвердила я и перевернула страницу.

Когда-то давным-давно, чтобы не возбуждать лишних вопросов попутчиков, в поездках я оборачивала свои книги газетой под которой скрывались религиозные названия. Не хотелось подвергаться насмешкам, на которые не всегда знала что ответить. Когда же получила богословское образование, то уже не боялась постороннего интереса к христианству. И обертка из газеты осталась в прошлом.

- И что же, вы верите в Бога? – удивился незнакомец.

- А вы разве нет?

- Я верю в себя. А всякие там церкви, молитвы... Вы не находите, что это больше про деньги, чем про веру?

Волна раздражения и неприязни вновь захлестнула меня. Но в этот раз я не вполне осознавала, кому конкретно она адресована. Этому противному дядьке с прилипшей к рукаву икринкой, или тем «деятелям», по чьей милости бытовало столь неприглядное суждение о Церкви?

Когда я только обрела веру, мнение Церкви для меня было основополагающим, непрекаемым. Но за десятки лет членства в ней многое изменилось. И хотя я по-прежнему не мыслила себя без Бога и Церкви, но скандалы в СМИ вокруг некоторых деятелей и, наконец, последний конфликт с нашим епископом подвели меня к некоторым неутешительным размышлениям.

Однако даже при всех моих духовных кризисах я не собиралась поддерживать расхожее мнение, что Церковь – лишь красивая оболочка, давно утратившая свою суть.

Сжав в руках книгу, чтобы не выплеснуть наружу поднявшиеся внутри эмоции я процедила.

- Что ж... «вольному – воля, спасенному – рай». Каждый в Церкви находит то, что сродни лично ему.

- «Рай», «ад» - все это метафизика. Я же предпочитаю физику.

- Тогда как насчет второго закона термодинамики? – решила блеснуть я остаточными знаниями, некогда почерпнутыми в авиационном институте. - Каким образом, при всеобщей энтропии вы объясняете упорядоченность нашего мира?

В ответ попутчик выдал такую заумную тираду с терминами, определениями, а главное – весомыми аргументами... Оторопев, я поняла, что глупо играть на поле противника по его правилам. Из того, что на сегодняшний день я более-менее разбиралась в богословии, еще не значило, что сумею осилить диспут на равных в сфере физики. Даже если бы сейчас вспомнила все знания, что на первом курсе в нас вкладывал заикающийся новоиспеченный кандидат наук, все равно это были бы только азы. А не тот уровень, на котором изъяснялся мужчина напротив. Я даже понимала его лишь через три слова. Поэтому уклончиво поинтересовалась.

- Физика – это основной род вашей деятельности или только хобби?

- Основной, - оживился попутчик, - по профессии я физик-ядерщик.

- Ого! Интересно, - вот почему он упирает на синхрофазотрон и сыплет названиями неизвестных мне элементарных частиц.

- А хобби у меня и вовсе впечатляющее. Я изучаю феномен перемещений во времени, - и мужчина победоносно задрал некрасивый нос-картофелину, словно сообщил, будто он нобелевский лауреат.

Что после подобного признания он ждал с моей стороны? Томных вздохов? Картичного падения к его лотосоподобным ногам? Если честно, единственным моим желанием в тот момент было – вызвать бригаду молодцов в белых халатах, которые, наконец, избавили бы меня

от столь странного типа. Я очень сожалела, что две верхние полки нашего купе по-прежнему пустуют. С дополнительными попутчиками было бы куда спокойней.

- И вы так запросто об этом говорите с первым встречным? – едва нашлась, как ответить, чтобы совсем уж его не обидеть. - Мне кажется, тема перемещений во времени требует еще большей веры, чем вера в Бога.

Неожиданно попутчик схватился за голову и болезненно поморщился.

- Вам плохо? – всполошилась я, еще не теряя надежды на спасение от мужчины посредством скорой помощи.

- Да... голова... последствие...

- ...травмы? Есть лекарства? Может, к проводнице обратиться?

- Нет. Такое у меня бывает... иногда. Скоро само пройдет. Вот, сейчас уже гораздо лучше.

- Немного посидев без движения и отдышавшись, мужчина продолжил слегка поохивая.

- А о перемещениях я говорю со многими. Иногда люди, сами того не подозревая, могут направить мысль по очень интересному руслу и помочь вырулить к какому-нибудь неожиданному открытию. Что-то вроде мозгового штурма получается. Понимаете о чём я?

- Угу.

- На сегодняшний день могу сказать, что все наши фантасты круто ошибались, описывая машины времени и различные неоднозначности с временным континуумом. Нереально перенести в прошлое тело и даже предметы. А вот сознание, пожалуй, можно.

- Вы о переселении душ? - я прикрыла рукой глаза, словно пытаюсь спрятать их от бреда собеседника. - Обычно сторонники этого учения, апеллируют к его древности, как к доказательству истинности. Но я специально изучала данный вопрос. Увы, переселение душ - слишком поздняя теория и явно выдуманная. И потом, в существование души вы верите, а в Бога – нет? – Я мысленно погладила себя по голове, что не запуталась в потоке вываленных на меня слов и все-таки подловила собеседника на противоречии.

- Разве сознание – это душа? – Усмехнулся незнакомец. Похоже, его забавляли мои потуги в ведении дискуссии. - Сознание – просто определенный код, наподобие кода хромосом. И я не имел в виду переселения души из одного тела в другое. Речь идет о перемещении сознания во времени внутри собственного же тела. При этом самоустраняется основной временной парадокс. Ведь невозможно встретиться в прошлом с самим собой и из-за этого натворить кучу нелепостей, как это часто можно увидеть в кино. Ты всегда один единственный.

- Наверное, прикольно посмотреть на мир из пеленок или на маму изнутри... - примирительно заключила я, чтобы как-то свернуть напрягающий меня диалог.

- А вот это, извините, не получится. По моим расчетам, самая крайняя точка перемещения во времени – двенадцатилетний возраст.

- С чего бы? Чушь какая-то!

- Ничуть! Здесь есть своя логика. Приблизительно годам к двенадцати заканчивается формирование основных нейронных связей головного мозга. Вы представляете, что произойдет, если своим опытом и знаниями, попытаетесь «загрузить» неподготовленный мысленный аппарат? Он просто перегреется, а человек сойдет с ума.

- Тогда что препятствует этот самый код списать с одного человека и вписать в другого?

- Наверняка к этому есть свои преграды. Наукой данный факт еще мало изучен. Но предполагаю, что связь кода-сознания со своим телом гораздо сильнее, чем это можно было бы предположить.

Неожиданно попутчик опять скривился и даже застонал.

- Послушайте, может у вас что-то с сосудами или вообще предынсультное состояние? Попробуйте улыбнуться. Говорят, при инсульте человек не может этого сделать.

Когда мужчину боль отпустила, он широко улыбнулся.

- Не переживайте за меня. Лучше скажите, вы когда-нибудь мечтали оказаться в прошлом?

- Ну, кто из нас не фантазировал на эту тему? Я, к примеру, не раз представляла себе, как в сталинские времена рассказываю людям о Боге. Потом меня, естественно, сажают. И на этапе в дикой тайге я подбадриваю верующих, мол, эти ужасы скоро закончатся и многих из них даже причислят к лику святых.

Я не стала открывать незнакомцу, что, больше всего сожалела об упущенных возможностях и грандиозных евангелизациях, которые, увы, так и не организовала наша Православная церковь в начале девяностых. Все же я не разделяла убеждения, что с незнакомцами легко делиться самым сокровенным. Особенно с такими странными незнакомцами.

Услышав последнюю фразу, мужчина так поморщился, что я заподозрила очередной приступ.

- А в свое детство вы хотели бы вернуться?

- Возможно. На денёк или даже на два. Походить по старому городу, каким его уже плохо помню. Встретить школьных друзей... Хотя ради одноклассников, пожалуй нет. Класс у нас был неплохой, но по-настоящему сдружиться у нас не вышло.

- А если насовсем? Прожить жизнь заново? И билет в один конец.

- Ну, уж нет. Я слишком ценю то, что сейчас имею. Совершенно не хочется вновь тратить уйму сил и добиваться всего заново. Опять учиться, годами ждать встречи с мужем...

- ...на основании своего опыта уже не допускать тех или иных ошибок. Будучи в курсе мировой истории, сколотить приличный капитал. Получить то образование, о котором мечтала, а не то, на котором настояли родители. Обойти своих врагов, уже зная все их слабые стороны...

- Врагов у меня нет. А ошибки в жизни не самое страшное. Вот, скажем, на прошлой неделе, весь день я проваляла дурака, от смартфона не могла оторваться. Такое со мной случается периодически. Но зато потом совесть так извела, что весь следующий день носилась по квартире как электровеник – тут почистила, там подраила. Стирку затеяла, еду на три дня вперед приготовила. В общем, наверстала упущенное время с лихвой.

- Неужели впустую потраченное в соцсетях время – это все, чем вы недовольны? Наверняка были промахи покрупнее? Просто, видимо, не хотите о них говорить, – мужчина растерянно провел рукой по редющим волосам.

- Может, для кого-то и важно вернуться назад и все исправить. Но лично для меня, как для верующего человека, данное предложение вообще не актуально. Ведь если даже я и нагрешу, достаточно искренне покаяться перед Богом и все – можно начинать жизнь с чистого листа. К чему ещё какие-то там сложности с перемещением во времени? Пустота все это. Или как говорил Екклесиаст: «Суета сует».

Я встала и вышла из купе. Проводницу нашла около туалета и сразу обратилась к ней.

- Извините, у меня сосед какой-то неадекватный. Не ручаюсь за его психическое здоровье. Да и за физическое тоже. Какие-то странные разговоры ведет. Постоянно за голову хватается. Смотрит пристально, словно собирается слопать меня. Вы время от времени заглядывайте к нам, пожалуйста, а? Опасаюсь я что-то наедине с ним оставаться.

- Докуда он едет? – спросила проводница, в заботах позабывшая, что совсем недавно проверяла билет моего попутчика и даже сама озвучила пункт прибытия.

- До Самары.

- То есть еще несколько часов пути. Если хотите, можете пока отдохнуть в моем купе. Я все равно сейчас буду занята уборкой. Так что вас никто не потревожит. Вещи тоже можете свои ко мне перенести.

Я подумала-подумала, да и решила принять заманчивое предложение. Только дорожную сумку не стала перетаскивать. А взяла свою книжку, телефон и ушла читать в купе проводника.

Когда подъезжали к Самаре, я вернулась на свое место. Попутчик сидел одетый и готовый выйти в любой момент. Еда по-прежнему занимала весь стол.

- Куда же вы подевались? Я еще так много хотел с вами обсудить, - крупные губы попутчика разочарованно скривились. В глазах читалось едва скрываемое раздражение.

- Мне эта тема не интересна, - отрезала я, блаженно вытягиваясь на своем месте и мечтая поскорее добраться до ужина. К банкету с барского плеча я по-прежнему не собиралась притрагиваться. Душу грели приготовленные мужем бутерброды.

- Жаль. Ну, что ж, до свидания. Может в следующий раз нам удастся все подробнее обсудить?

Я, молча, улыбнулась и эта улыбка означала: «Расставание гораздо приятней нашей встречи. Давайте оставим все как есть».

Когда в Самаре попутчик вышел, на его место, щебеча и пересмеиваясь между собой, залетели три молоденькие студентки в горнолыжных костюмах со сноубордами в руках.

- Ой! А кто это здесь еду разложил? – поинтересовались они, весело переглядываясь.

- Это предыдущий пассажир все уговаривал составить ему компанию, да я так и не решилась.

- А вы не будете против, если мы... ну... - девушки замялись, красноречиво поглядывая в сторону тарелок.

- Пожалуйста, пожалуйста. Он заплатил за все. И теперь точно не вернется.

Я вышла в коридор звонить мужу и просмотреть свежие новости. А еще хотелось найти информацию по созависимости и абьюзу, чтобы подготовить сестру к встрече с психологами.

Через какое-то время в наше купе проехала тележка из вагона ресторана и вывезла пустую посуду. Даже графинчик с алкоголем оказался девственно чист. Что значит молодость. Все это развеяло мое настороженное настроение, и я продолжала свой путь вполне успокоившись.

Пожунав, я уютно устроилась на своем месте и под мерный перестук колес предалась раздумьям. На минутку припомнился мой сегодняшний странный попутчик и наш не менее странный разговор о путешествиях во времени. Мгновенно мысли сменили свой курс, унося меня в прошлое. Вспомнилось детство, вернее, словно стали мелькать отдельные кадры и фрагменты той удивительной поры.

Вот конец мая. Уже достаточно тепло. «Мама, можно я завтра в школу в гольфиках пойду?» А на утро выпал снег и пришлось не гольфы одевать, а искать в кладовке пальто на ватине, к тому времени благополучно спрятанному до следующей зимы. В каком году это было? Надо же... уже и не помню.

Хорошее было время. Правда, чтобы купить колбасу, приходилось отстоять в очереди несколько часов. Те же бананы и вовсе появлялись в магазинах лишь раз в год, ближе к зиме и всегда зеленые. Может, поэтому я до сих пор люблю бананы слегка недозрелые? Но не в колбасе и бананах счастье. Главное жизнь тогда ощущалась как-то полней, насыщенней что ли? Помнится, как-то решила сшить небольшую подушку и набить ее ни пером, ни ватой, а тополиным пухом. Сейчас побрезговала бы тащить грязь в дом, да тополиный пух тот еще аллерген. Но тогда меня интересовал лишь один вопрос – почему столько добра бесхозно пропадает при таком тотальном дефиците на все?

Вообще-то в детстве я и слыла ужасной домоседкой. В отличие от сверстников, основной моей прогулкой был путь до школы и обратно. Но даже за каких-то полчаса ходьбы до дома я умудрялась почувствовать пришествие весны по чивканью синичек, по забористому перестуку капли. Тогда в душе поднималось нечто волнующе-клокочущее, предвещающее великую радость. Теперь же, оглядываясь назад, я не вполне понимала, где я потеряла эту незамутненную живость восприятия? С одной стороны, я не могла стенать вместе с небезызвестным Кисой Воробьяниновым: «теперь все не то, и все не так». С другой – некое очерствение сердца

все же наблюдалось. Да что там! Себе-то можно не врать. Сквозь толщу скептицизма и разочарования я уже перестала всерьез воспринимать идеалы, будоражащие кровь в детстве.

Эх, детство, детство... счастливая пора, наполненная наивными мечтами и незамысловатыми радостями. Я попыталась вспомнить, что еще меня интересовало раньше? Но на ум особого ничего не шло. Книжки, мультики, мороженное... О! Помнится в кинотеатре «Матросова» его продавали развесное, слегка подтаявшее. Накладывали мороженное не в вазочки, а в хрустящие вафельные стаканчики, которые в процессе поедания не успевали размокнуть. Можно было взять 100 грамм, или даже все 150 с большим верхом как факел. Вот бы сейчас такого. И не важно, что на дворе студеная зима. Это вам не заокеанские фастфуд, а настоящий ГОСТовский пломбир! Такой можно за милую душу и на морозе слямзить.

А колбаса, из которой муж мне сделал бутерброды? Та, что похожа на советскую ветчину. Тридцать лет прошло, и только теперь смогли воспроизвести данный вкус. Хм... опять я свернула на еду, словно в детстве иных радостей не было... Да прав сегодняшний ученый, было бы круто побывать в прошлом. Освежить впечатление, так сказать. Как там поет «Битлз»? «Back in USSR»?

Глава 2.

Глава 2. Недоброе утро.

Проснувшись я от боли в горле и голове. Забитый нос сипел, не давая вздохнуть полной грудью. И вообще чувствовала я себя прескверно. Что может быть лучше простуды в поезде перед ответственной командировкой? Похоже, ночью я уснула, не укрывшись, и теперь придется пожинать плоды своей халатности. Не только бегать по командировочным делам, но и восстанавливать здоровье. Хорошо, хоть взяла ментоловые леденцы. Пусть они не лечат, зато однозначно снимают спазмы в горле. Надо же было так крепко уснуть! Такое со мной в поезде впервые.

Дрыхнуть больше не хотелось. Я лежала с закрытыми глазами, сглатывая вязкую как смола слюну, и пыталась понять с какой стороны горла не так больно. Заодно прислушивалась к окружающей обстановке. Ни перестука колес, ни обычного для поезда покачивания.

Интересно, почему мы так долго стоим? Какой-то полустанок и мы пропускаем встречный состав? А вдруг это уже Рязань и проводница забыла меня разбудить?

В ужасе я открыла глаза, и тут же их зажмурила. Вокруг себя я увидела не купе в свете ночных фонарей, а домашнюю обстановку чьей-то квартиры. Решившись вновь открыть глаза, я огляделась. Очертания небольшой комнаты, мебель, предметы, казались чем-то знакомыми. Из окна мягко разливался тусклый свет. Не знаю, было ли то раннее утро или вечер. Мысли в голове бешено закрутились.

Может меня чем-то опоили, и пока я спала, похитили? Мне приходилось уже слышать жуткие истории с леденящими душу подробностями, о жертвах всяких там извращенцев.

Недаром, ох, недаром вокруг меня крутился тот лохотонный хлыщ. Но, минуточку... к его еде я не прикасалась, а потом девчонки все подъели. Так что ни отравить, ни опоить меня он попросту не мог. Нет. Версия с похищением никуда не годилась.

А что, если я в больнице? После какого-нибудь приступа, скажем инфаркта или инсульта. Тогда это объясняет, почему меня сняли с поезда. Только интерьер здесь какой-то совсем уж неказенный, и вдобавок весь словно в стиле ретро. Рядом располагалась еще одна кровать, застеленная покрывалом из ацетатного шелка с изображением красных павлинов. Такие покрывала были у нас с сестрой в детстве. Шкаф и письменный стол тоже показались знакомыми. Но это меня не удивило. Когда только вышла замуж, дома у свекрови обнаружила точно такую же посуду и даже мебель, как и у своих родителей. В советские времена во многих домах можно было увидеть похожую обстановку и одинаковые вещи.

Быть может, я в какой-нибудь частной клинике с нарочито домашним антуражем? Тогда удивляло другое. Каким образом вся эта винтажная мебель советской эпохи так хорошо сохранилась? Да и зачем в палате письменный стол? Пазлы в голове никак не складывались. Любые попытки осмыслить сложившуюся ситуацию и хоть что-то понять наткнулись на логические противоречия, и разум сдавался.

Я пошевелилась и обнаружила неприятное ощущение в стопах. Моментально откинула одеяло, взглянула на ноги, на остальное тело... и порывисто села в постели. Как такое вообще возможно?

Вместо меня на кровати сидел ребенок. То есть я и была тем ребенком. Полное тельце девочки было одето в хорошо знакомую зеленую фланелевую пижаму с розовыми мячиками. На ногах красовались поношенные шерстяные носки.

От неожиданности и страха я заплакала. Сперва тихонько, а потом в полный голос. И тут в комнату вошла мама... молодая стройная мама, какой я ее давно уже не видела. С годами она превратилась в согбенную располневшую старушку.

- Доченька, что с тобой? – встревожено спросила мама, видя, как ужас перекошил мое лицо.

- Что со мной? – от страха хрипло переспросила я, судорожно ощупывая собственное тело и еще больше пугаясь своего детского писклявого голоса. – Где мы? Не понимаю... я ничего не понимаю? Почему болит горло? Что у меня на ногах? Господи, да что здесь вообще происходит?

Мама быстро обняла меня, бившуюся в нервном припадке.

- Успокойся, Настенька. Мы сделали компресс на ноги, чтобы сбить температуру. Сейчас я принесу градусник...

Но я, как за последнюю надежду, ухватилась за мамин халат, не желая отпускать кусочек реальности в моем абсурде. Голос в момент сорвался и я, прижимаясь к маме, сипела что-то несвязное.

- Андрей, вызови скорую! – взволнованно крикнула мама в проем открытой двери. - Настасье плохо!

Настасья! Тысячу лет меня так никто не называл. Настя. Настенька. Практиканты на работе так вообще Анастасией Андреевной звали.

В комнату стремительно вбежал папа. Такой же молодой и взволнованный, как и мама. Его вид вызвал у меня новый приступ истерии. Теперь я не плакала, а повизгивала, трясясь всем тельцем, краснея от потуг и пуская сопли. На все уговоры и вопросы о моем состоянии, я только еще громче начинала верещать и цепляться за мать.

Приехала скорая. Врач сделал какой-то укол и мне полегчало. Теперь я лежала на кровати обессиленная, едва слышно подвывая, пока, наконец, совсем не успокоилась и не уснула. Как папа ушел на работу я не слышала.

Проснувшись я от звука открывающегося дверного замка. Казалось бы, сколько миллионов существует замков, но вот как перещелкивается конкретно этот, записалось где-то глубоко на подкорке, и по нескольким звукам я твердо знала, что это замок из моего детства. А еще я осознала, что папа пришел на обед и его нужно бы встретить. Я даже дернулась в его направлении, и только потом меня накрыло осознание всего ужаса сегодняшнего утра. Что за чертовщина здесь творится? Я быстро перекрестилась и накрылась с головой одеялом, судорожно вызывая к Богу о помощи. Но сосредоточиться на молитве мне не удалось. Рой противоречивых мыслей атаковал сознание. Неужели я действительно в прошлом или просто сошла с ума? И как только я могла забыть, что папа работает рядом и обедать приходит домой? Какая еще работа? Папа давно заслуженный пенсионер и живет с мамой в основном на даче.

А еще с молитвы сбивал мамин голос, приглушенно слышимый через стенку: «Она пока не просыпалась».

Промелькнула очередная мысль – наверно мама взяла больничный и осталась дома.

И я почти не удивилась когда спустя несколько мгновений в комнату зашел отец.

- Как ты себя чувствуешь? – участливо поинтересовался он.

Я, молча, вжалась в подушку.

- Кажется, я тебя спрашиваю? – в голосе отца почувствовались железные нотки, на которые я, совершенно неожиданно для себя, тут же отреагировала звуком наподобие сирены, очень быстро нараставшем, и превратившимся опять в истерический визг до судорог.

Вызванный врач, теперь уже из детской поликлиники, после моего осмотра сообщил, что девочка перенесла сильнейший нервный срыв. А может, это специфическое осложнение на почве ангины. В любом случае, он советовал лишний раз не нервировать ребенка. И не вынуждать разговаривать, пока она сама этого не захочет. Естественно, я не захотела. Но и истерик больше не устраивала. Просто лежала в ступоре, боясь подумать, что делать дальше?

И тут из института вернулась старшая сестра Варвара. Я даже не удивилась, что и она участвует в этом театре абсурда. Но мозг, ищущий более логичных объяснений ее появления,

предположил, что сегодня сестра ушла рано утром, еще до того как я перенеслась. Перенеслась? Б-р-р-р... Даже думать не хочу в эту сторону.

На юный облик Варвары я уже никак не среагировала. Устала истерить по поводу и без. Лишь безучастно взглянула в сторону сестры и отвернулась к стенке.

Очередной раз проснулась я среди ночи все с той же болью в горле и голове. Откинув одеяло, я тихо застонала, поняв, что за последние часы с моей внешностью ничего не поменялось. Я все еще ребенок не пойми где. Что со мной творится? Где я оказалась? Обо всем этом я старалась не думать, скованная страхом.

От жалости к себе вновь захотелось плакать. Но из-за боязни разбудить сестру, мирно посапывающую на соседней кровати, пришлось скрепитесь. Я засунула ноги в тапочки, и впервые за всё это время поднялась на ноги. Тут меня поджидал очередной неприятный сюрприз. Рост у меня оказался в полтора раза меньше обычного, а вся обстановка и мебель - гораздо выше, чем я привыкла. От неожиданности голова закружилась, и я вновь плюхнулась в кровать. Так и лежала, тупо пялясь в побеленный потолок, на котором отражался отсвет уличных фонарей и фар машин, изредка проезжавших мимо окна.

Время от времени я продолжала ощупывать себя, убеждаясь, что этот ужас пока не прекратился. Рефлексовать, искать выход и решение проблемы, было выше моих сил.

Наконец я опять поднялась и в потёмках побрела на кухню. Горло пересохло, хотелось чем-нибудь его промочить.

Включив на кухне свет, я остоленела. Во все стороны, прячась по щелям, разбежались большие и маленькие тараканы. Я их не видела лет двадцать, если не больше. Почему-то ни мой собственный вид, ни внешность моих родителей, ни вся эта безумная обстановка, а именно созерцание прячущихся рыжих существ развеяло последние сомнения относительно того, где я очутилась. Теперь стало совершенно очевидно: я - в прошлом!

- Жсть! – произнесла я чуть слышным шепотом, и тут же поежилась от слова, не вписывающегося в данную временную реальность. - Вот это я влипла! – поправила саму себя, и от такого оборота речи мне стало чуточку спокойней.

Пусть неизвестно, как я здесь оказалась, да это и не важно. Главное понять, как теперь выбраться обратно к привычной жизни, к мужу... При воспоминании о муже предательский комок подкатил к горлу, грозясь разразиться очередной порцией слез. Пришлось усилием воли запикивать его обратно и сосредоточиться на решении насущных вопросов. Сейчас главное на повестке – возвращение. Тут же вспомнились слова того типа в поезде, мол, путешествие в прошлое – это билет в один конец.

Стоп! Точно, странный мужик со смешным загаром на лице. Вот кто во всём виноват! Провернул-таки со мной какие-то свои темные делишки. Недаром зыркал оценивающе, гад!

В бессильной злобе я сжала детские кулачки, готовая как следует наподдать негодяю, и... в отчаянии их разжала. Ни слезами, ни силой такому горю не поможешь. Тут разве что Бог совершит какое чудо и вернет всё, как было. Я вздрогнула, осознав, что до сих пор даже ни разу не вспомнила о Боге, не говоря уже о том, чтобы помолиться Ему.

Зажмурившись, я вложила всю жажду своей души в едва слышный шепот: «Господи! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Я продолжала молиться с закрытыми глазами еще несколько минут, с жаром излагая Господу свою беду. Наконец я остановилась, а затем, содрогаясь от волнения, чуть приоткрыла один глаз и... увидела на стене красную разделительную линию между побелкой и мрачно-синей краской, в которую была покрашена стена родительской квартиры много лет назад. Такую деталь внутреннего интерьера давно не использовали в отделке помещений. Да я просто забыла уже, что когда-то линией отделяли краску от побелки. И это однозначно свидетельствовало, что я все еще находилась в прошлом.

Что ж... если не удалась кавалерийская атака, попробуем разобраться в ситуации с помощью рассуждения. Итак, все дело в моём попутчике.

Кто он такой?

Чтобы лучше думалось, я набрала полную грудь воздуха и... ничего. Никаких продуктивных мыслей, ни единой зацепки, только смутные образы. Правда поведение того мужика как будто напоминало мне нечто, но я никак не могла уловить хотя бы намек, в какой области мне искать ответ. Поэтому, поерзав еще какое-то время на табуретке, я отправилась в кровать.

Только к третьему дню я почувствовала в себе способность критически анализировать произошедшее, а не просто с ужасом и неприятием смотреть на всё со стороны. До сих пор я не спрашивала, сколько мне лет, боясь услышать страшную правду, а также опасаясь своей бурной на нее реакции. Одно только для себя решила – пока никому не говорить о случившемся, чтобы не оказаться в психушке.

Хорошо знать Евангелие. В любой ситуации можно всегда припомнить какой-нибудь мудрый совет, коими богата эта Святая Книга.

«Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы» (Евангелие от Матфея 6:34). Или как в последнее время стало модно выражать ту же мысль – проблемы нужно решать по мере поступления.

В моих обстоятельствах это означало, что пока самое главное – привести в порядок нервную систему. А задумываться, как сюда попала, и каким образом выбираться обратно – это задача последующих дней. И нечего себя грузить раньше времени.

Прошли две недели с момента моего перемещения. Как я не пыталась спрятаться от действительности, но что на дворе 1985 год, а мне 12 лет все же выяснила.

Давно спала температура, но головные боли так и не прекратились. Да ладно бы боли! В голове вообще творилось что-то неладное. Словно это был котел, в котором ни днем, ни ночью не прекращался процесс кипения. У висков что-то пульсировало, в ушах шипело. То в макушке, то в затылке, то в лобовой части время от времени происходили какие-то взбульки или хлопки, которые слышала только я.

В ответ на мои жалобы врачи ничего лучшего не могли предложить, как только положить в больницу на обследование.

Сколько раз в детстве мне приходилось лежать в больнице? Плюс-минус раз шесть. В любом случае, с моим хлипким здоровьем я частенько меняла свой статус на «пациент». Однако такие дни были для меня своего рода отдыхом. В самом деле, - трехразовое питание, кислородные коктейли, всякие там процедуры и никаких тебе уроков. Курорт да и только! Ну а в раннем детстве к отдыху прибавлялись развлечения. Бывало, прокрадемся с девчонками ночью к мальчишкам, да и обмажем их зубной пастой, дожидаясь затем ответных визитов с соответствующими проделками. Чем не пионерлагерь? Или девчонки проделывали эти номера без меня, вечно трясущейся даже от возможной перспективы подобных мероприятий? Надо же, теперь точно и не вспомнить.

Вот и сейчас, я не стала отпираться и спокойно согласилась на госпитализацию, приняв данное обстоятельство с унылым безразличием. В конце концов, самое страшное со мной уже случилось. Больничные неудобства, с любыми тяготами лечебного процесса, всё равно не могли сравниться с невыносимой тоской по мужу и чувством безысходности от моего нынешнего отчаянного положения.

Чем занять предстоящую прорву времени вопроса у меня не возникало. Молитвой, чем же еще?

Я давно заметила, что на градус интенсивности молитвы лучше всего влияет степень проблемы. Скажем, если расшатался зуб или промокли ноги, о чем здесь особо молиться? Разве только чтобы совсем не разболеться.

Но лучше параллельно заняться профилактикой. Глентвейн там или хотя бы чай с лимоном и банька. Насчет зубов свои советы – я не специалист.

Но когда твой поезд летит под откос, тут уж начинаешь вопить к Господу что есть мочи. Вот я и билась к Нему со своими вопросами утром и вечером, под капельницей, и когда соседки по палате уходили на сестринский пост смотреть телек.

Молилась я наизусть давно заученными словами. Но чаще без всяких велеречивых оборотов, просто полагая пред очами Божиими свою проблему и ожидая от Него помощи, или хотя бы каких-то подсказок, многократно повторяла Иисусову молитву. Хотелось уяснить, как дальше себя вести.

Разумеется, молилась я мысленно, про себя. Но иногда хотелось выразить свое отношение к Богу вслух, и тогда я пела. Разумеется, не «Царю Небесный» и не «Трисвятое». На дворе все же стоял 85-ый год и любые проявления религиозности, скорее всего, были бы встречены резко негативно. А вот «Let my people go!» я могла петь совершенно спокойно. Пусть моим хилым детским голоском это получалось чуть менее харизматично, чем у Луи Армстронга. Зато я отводила душу, а окружающие радовались, совершенно не понимая, что им поют об исходе Израильского народа из Египта. А еще (тоже на английском) я им пела мой любимый 136 псалом, который знаменитая группа «Бони М» исполняла как «Rivers of Babilon». Да, когда в детстве я самозабвенно отплясывала под зажигательную мелодию этого модного шлягера, совершенно не представляла, что он имеет Библейские корни и вообще-то говорит о покаянии.

Единственная песня, которую я позволяла себе на русском была «О благодать». Конечно она ни разу не православная. Зато за ее многозначительными словесными оборотами первых трех куплетов никто из окружающих не угадывал Божественного смысла. А благодать... что благодать? Хорошо человеку на душе (которой, кстати, по мнению атеистов не существует), вот и благодать.

Через три недели капельниц, уколов и всевозможных анализов, врачи так и не смогли сказать о состоянии моего здоровья ничего вразумительного. Кое-какие отклонения в организме они, конечно, зафиксировали. Но объяснить причину болей и шумов в голове оказалось им не под силу.

При выписке озадаченный лечащий врач посоветовал родителям сделать мне ядерно-магнитно-резонансную томографию – ЯМР (как я поняла, так в 85-м году называли МРТ). Правда, подчеркнул, что для этого придется ехать в Москву, потому что в нашем городе аппарат ЯМР есть только в клинике горкома. Как раз недавно его туда купили за валюту.

Не представляю, какие веревочки пришлось дергать отцу, и какие поднимать связи. Но уже через пару дней мы с ним и с мамой заходили в какую-то лечебницу на окраине города, окруженную сосновым бором и с вооруженной охраной у пропускного пункта.

Подчеркнуто-внимательный и чрезвычайно вежливый доктор помог мне вскарабкаться и улечься на специальную платформу, которая вместе со мной медленно втянулась в бочкообразные бока томографа. Негромкий, но устрашающий гул прибора, пожалуй, вызвал бы во мне приступ паники, если бы его не приглушала спокойная музыка, льющаяся из динамиков под потолком просторной комнаты.

Кроме того, я чуть не приобрела клаустрофобию. Внутри томографа было так тесно, что между мной и верхней его стенкой оставалось лишь несколько сантиметров. Тут хочешь – не хочешь, занервничаешь.

Когда спустя какое-то время затихла музыка и поверхность подо мной поползла наружу, мне уже не важен был результат обследования. Главное, все закончилось, и я не подвела родителей с таким трудом добившихся редких предпочтений.

Через полчаса нас позвали к доктору, по его встревоженному виду не трудно было догадаться – со мной далеко не все в порядке.

- За всю свою практику я не видел ничего подобного, – начал он, а я напряглась. - Говорите ребенку 12 лет? Поразительно, просто поразительно. Понимаете, на снимке отображен мозг не подростка, а взрослого человека! Возможно вы не в курсе, но существуют отличия. М-да... Причем, развивается мозг просто гигантскими скачками. Вот, взгляните сюда. – Доктор разместил большой прозрачный лист на каком-то светлом экране и мы дружно уставились на целую серию негативов моей черепушки в различных срезах и проекциях. Врач указал на один из них - Это первый снимок. Видите этот изгиб? А теперь взгляните на последний кадр. Разница между снимками меньше получаса. А какая трансформация! На подобные изменения обычно уходят годы или, как минимум, месяцы. Но никак не минуты!

Я изо всех сил всматривалась в лист на экране. Но совершенно ничего не понимала в этих пятнах и загогулинах.

- И что, доктор, это очень страшно? – испуганно поинтересовалась мама, которой снимки извилин тоже мало о чем говорили.

- Страшно? Не знаю... Нужно в динамике смотреть. Я договорюсь, чтобы вам через два-три месяца сделать повторную томографию. Такой феномен нельзя оставлять без контроля. Конечно, рано делать какие-то серьезные выводы. Но не исключаю, что в вашей семье растет не просто вундеркинд, а самый настоящий гений!

- А это вообще лечится? – не переставала тревожиться мама.

- Надеюсь, что нет, - хохотнул доктор. - Потому что такой шанс выпадает одному на миллиард. Если вообще он не единственный в своем роде.

- И что нам теперь делать?

- Знаете, при таком активном росте я бы посоветовал хорошее питание и умеренные, но постоянные физические нагрузки. Вдобавок я назначу минерально-витаминный комплекс. Постарайтесь, чтобы ребенок больше гулял, дышал свежим воздухом, занимался физической культурой, чтобы мышцы успевали в развитии за мозгом. И это пока все.

Слова доктора немного успокоили меня. С этого дня «кипение» в голове меня больше не пугало. Да и боли теперь не казались такими уж невыносимыми. Человек очень многое может перенести, если найдет тому логическое объяснение. Какое нашла я? Просто сейчас в мозгу идет построение лимбических связей в соответствии с моим жизненным опытом. А если в более привычных компьютерных формулировках – происходит перепрошивка мозга. И только время покажет, как долго она продлится.

И вот когда маячившая угроза свихнуться наконец отступила, меня накрыла другая волна паники. Мысль, которая каждый день прорывалась в сознание, и о которой я запрещала себе задумываться. Теперь она встала перед внутренним взором во всем своём ужасе.

Я. Осталась. Без. Мужа!

Шок оказался настолько острым, что захотелось эту очевидность задвинуть обратно на край сознания, закидать подушками и выставить в качестве стража огнедышащего дракона. Но я микроскопическими шажками очень аккуратно начала открывать для себя страшную истину своего... хм... вдовства при живом... даже не знаю, кем сейчас Иван мне приходится?

Теперь я не увижу мужа, просыпаясь по утрам. Не буду встречать его с работы, и он больше не скажет: «Здравствуй, любимая! Ты меня ждала?» Не торкнет шутя своим носом по моему. Не посмотрит голубыми кристаллами своих чистых честных и все понимающих глаз. Не подаст и не застегнет пальто. Не спросит: «Тебе помочь?», - поспешив доделывать мои дела по дому, прежде чем заняться своими. От постоянной болезненности я иногда слишком неожиданно и резко слабела, и тогда муж все взваливал на себя. Теперь не будет ни совместного чтения Библии, ни неспешных глубоких бесед, ни долгих прогулок держась за ручку, ни... вообще ничего больше не будет. Никто не придет на выручку, ни обласкает, не заслонит молитвенным щитом от всех невзгод мира.

Помнится, когда выходила замуж, я так опасалась привыкнуть к его поддержке, все хорила и пыталась любую мелочь сделать сама. Страшилась, если вдруг останусь без него, то не смогу больше справляться с вызовами жизни. Но постепенно доверилась. И вот произошло то, чего я некогда так боялась.

Ужасно, но, похоже, пора было честно признаться себе самой, что в прошлом я застряла всерьез и надолго. В голове все еще складывались планы различной степени грандиозности и фантастичности, как вернуться в будущее к своей такой привычной и теперь нестерпимо желанной жизни. Но здравый смысл сурово возвращал к чудовищной реальности, все чаще и настойчивей предлагая варианты, как устроиться здесь и сейчас.

Миллионы раз во всех подробностях я мысленно прокручивала свой последний день в 2015 году. Вспоминала того противного типа из поезда, который сообщил мне о перемещениях во времени. Все же, как точно он описал, что должно произойти! Это не могло быть простым совпадением.

Еще он обмолвился, что вернувшись в детство, удастся прожить жизнь заново, а вот вернуться обратно – никогда. Но каким образом он со мной это провернул? Физик-ядерщик? Ага, а я тогда – королева Марго! Может быть, тот мужик вообще не человек, а ангел, посланный с Небес? Хм... если вспомнить чего он нагородил о вере и Боге, то какой же он ангел... разве только падший? С другой стороны в одном из «Патериков» я читала случай с древними монахами, которым ангел явился в виде грязного калеки и тоже не особо стеснялся в выражениях. Так может и мой попутчик всё-таки ангел? Посланник Божий? Ведь, что не говори, а без воли Божией подобные комбинации с человеком просто невозможно повернуть. Значит ангел...

От этого предположения на душе стало капельку отрадней. Ведь даже горе принять легче, когда понимаешь, что случившееся не просто трагическая ошибка, не результат слепых сил природы, и не чьи-то коварные козни, а часть мудрого, хотя и непонятного до конца, замысла любящего Творца. Рассуждая так, у меня уже немного лучше получалось справляться со своим гневом и возмущением. Очень медленно, со скрипом, я приближалась к тому, чтобы принять мою новую реальность как данность. Да и что мне собственно оставалось?

Теперь меня начинал мучить другой вопрос: «Зачем»? Если произошедшее действительно Божий замысел, то в чем именно он заключался? И почему всё это произошло именно со мной? По опыту я знала – премудрый Бог ничего не делает просто так. И уж тем более, Он никогда не ошибается. И если произошло такое неслыханное дело, как перемещение в прошлое, «значит это действительно кому-нибудь нужно». Быть может, я здесь для какого-то дела?

Но что могу я – болезненная, унылая и едва ли не разочарованная в жизни женщина изменить в этом времени? Я достаточно хорошо знала свои призрачные силы и чрезвычайно скромные возможности. При всем желании, у меня никогда не получалось влиять на людей, убеждать, вдохновлять, мотивировать. Я не отличалась пробивным характером, не умела настаивать на своем. Не то, чтобы я всегда плыла по течению, – под мир старалась не прогибаться, но и он под меня как-то совсем не гнулся. Вот если бы этот шанс с перемещением представился таким деятельным и волевым людям как отец или сестра... Они бы точно всем здесь «хвосты накрутили»! Никому бы мало не показалось. А я? Что я? Мне бы «отсидеться» в новой реальности, повторив шаг за шагом свой пройденный путь. Лишь бы вновь вместе быть с Ваней.

Когда перед незнакомцем в поезде я утверждала, что вполне довольна своей судьбой, то не совсем лукавила. Будучи церковным человеком, о своей душе я уже позаботилась. Да и внешние обстоятельства моей жизни, слава Богу, складывались вполне благополучно. Хоть и приходилось выплачивать ипотеку, жили мы с мужем в отдельной однокомнатной квартире. Имеющаяся работа не вдохновляла, но и не забирала последние силы. К тому же она была не самой безденежной. Вторая церковная работа, что называется «для души», долгие годы была почти вместо хобби. А теперь, хоть и пришлось ее оставить, замена не замедлила себя ждать.

Что еще нужно для счастья? Здоровье? А у кого оно есть? Люди вообще делятся на больных, и не знающих о своем диагнозе.

Месяц май 1985-го года подходил к концу. В школе никого не удивил мой очередной недуг. Потому что в детстве я частенько болела, впрочем, как и всегда. Полтора месяца походов по больницам и врачам, непрерывные боли в голове, привели к тому, что оценки последней учебной четверти у меня оказались под большим вопросом. А вместе с тем – перевод в шестой класс.

Если честно, я долго не хотела принимать тот факт, что вновь придется учиться в школе. И меня вполне устроило заключение педсовета о переносе решения касательно оценок последней четверти на конец августа.

В ночных кошмарах взрослой жизни, я иногда видела себя снова за школьной партой. Пока училась в ВУЗе, мне тоже не раз снилась школа, и самыми жуткими снами были те, где я писала сочинение. Ибо в авиационном университете, я постепенно утратила навык писать тексты в свободной форме.

После окончания института похожая проблема стала вырисовываться уже в области точных наук. Потому как мои обязанности по работе не требовали большего, чем элементарные математические операции типа прибавить, разделить, подсчитать процент погрешности. Естественно я стала забывать всё остальное. Например, знак интеграла, только изредка всплывавший в технической документации, все чаще начал настораживать. Я уже точно и не помнила, что с ним нужно делать, так же как и со всей высшей математикой, сопроматом и теоретическими основами электротехники. Плюс ко всему, старую информацию всё больше вытесняла новая, по мере моего погружения в христианство. Так что не нашедшее применения университетское наследие было окончательно погребено под многими пластами богословских мыслей, догматов и прочих церковных премудростей, старательно накапливаемых на протяжении последующих десятилетий в обеденные перерывы и вообще в любую свободную минуту. Поэтому-то несколько лет спустя, уже алгебра превратилась в главную ночную фобию.

Ну а теперь все самые леденящие душу кошмары в мельчайших подробностях готовы были воплотиться наяву в виде предстоящей учебы.

Разве только сочинения теперь не пугали. После воцерковления, накачавшись духовной литературой, а потом получив в придачу богословское образование, я с легкостью строчила развернутые статьи в местную епархиальную газету.

А еще напрягала ненавистная обязаловка уроков, от которой давно отвыкла.

Отвыкла? Разве? И вдруг меня осенило. За все эти годы готовить уроки я и не прекращала. Авиационный университет. Богословское образование. Составление методик обучения и проверка работ своих учеников... все это параллельно со светской технической работой.

Как ни странно, данное открытие успокоило. Даже если за пару месяцев не удастся выбраться отсюда, то, по крайней мере, время, вновь проведенное за партой, не станет столь ужасным, как показалось вначале.

Глава 3

Глава 3. Город детства.

Первый день летних каникул я встретила со счастливым осознанием, что ближайшие месяцы запарка с уроками мне не угрожает. Разумеется, в школе мне выдали длинный список заданий, который стоило освоить за лето. Но не с первых же дней за него браться.

Будучи глубоко верующим и воцерковленным человеком, я не представляла жизни без Бога. И в непривычной домашней обстановке, и в больничной палате я не переставала молиться. Но какой скудной становилась духовная жизнь, не подкрепленная богослужением!

Обычно я посещала храм не менее двух раз в неделю. Но с тех пор, как оказалась в прошлом, в церкви вообще не появлялась. В нашей пока еще абсолютно атеистической семье, было совершенно немыслимо заикнуться о чем-то духовном. С мамой и сестрой мы пришли к Богу только в начале девяностых. Отец, увы, так и не сподобился этого счастья. Теперь же тем более нереально было объяснить убежденному коммунисту и атеисту, каким являлся отец, что случившийся у меня форс-мажор давно пора прекращать, вернувшись в прежнюю духовную колею.

И вот, наконец, первый день каникул. Утром, как только за последним из взрослых закрылась дверь, я быстренько выскочила из кровати и стала собираться в храм. В 85-ом году выбор – куда пойти на богослужение, у меня оказался небольшой. В нашем городе-миллионнике в середине 80-ых действовало всего три храма. Настоящее изобилие для этого времени. Многие города не могли похвалиться и одной захудалой церквушкой.

Преображенский храм находился совсем близко, но только если к нему идти через Ущельку – улицу, очень круто спускавшуюся вниз к железнодорожному полотну, рядом с которым и располагалась церковь. Ущельку населяли не очень благополучные люди. Позже о ней сказали бы – криминальный район. Может потому церковь и сохранилась, что находилась на отшибе города среди отбросов общества?

Обычно без сопровождения взрослых мы с сестрой не решались спускаться через Ущельку. Но теперь-то я сама была взрослой! Так что восполнить свои не терпящие отлагательств религиозные нужды, я собралась именно в Преображенском храме.

В детскую дерматиновую сумочку с изображением зайчика (другой у меня просто не оказалось) я положила скопленные за два месяца полтора рубля. Деньги собиралась потратить на книги. И надеялась, что такой суммы хватит если не на всю Библию, то хотя бы на ее главную часть – Новый Завет. В ценах на книги советских времен я сориентировалась, исследовав содержимое книжного шкафа в нашей квартире. Редкая книга даже подписного издания стоила больше рубля. Напустив на себя самый беззаботный вид, я смело двинулась по направлению к Ущельке.

Утром рабочего дня на этой улице никого не было видно. Только в одном из палисадников я заметила копающуюся в земле старушку, и от ее вида на душе у меня стало чуть спокойней. Все-таки от осознания, на какой улице нахожусь, я пребывала в постоянном напряжении.

Разбитый в хлам асфальт местами покрывал спускающуюся под крутым углом дорогу. В плохую погоду машины не рисковали здесь ездить. Зато спускаться на санках – лучше горки не придумаешь. Если бы не проезжая часть, да дурная слава, даже я вряд ли удержалась в детстве от подобного экстрима. По обеим сторонам дороги теснились покосившиеся деревянные домишки со ставнями на окнах, наглухо закрывающимися на ночь. Убогость построек значительно скрашивалась фруктовыми деревьями, сейчас утопавшими в цвету. Пьянящий аромат действовал умиротворяющее. А тут еще увидела кошку, мирно вылизывающую на обочине свои пестрые пушистые бока и по ассоциации память унесла меня в то злополучное утро, с которого началось мое путешествие в прошлое.

* * *

- Льюис! Да чтоб тебя! Что за... – только и вскрикнула я, хватаясь за свежую царапину и негодующим взглядом, провожая кота, пулей юркнувшего под диван. Похоже, этот паршивец решил, что весьма удачно спрятался и хозяйский праведный гнев его не настигнет. Вот только торчащий из под дивана пушистый белый хвост выдавал местонахождение своего вредного владельца.

На мой крик из ванной прибежал встревоженный Иван. Еще жмурясь от боли, я собиралась поведать, как наш кот взбеленился, но взглянув на мужа, не удержалась от смеха. Обмазанный по щекам и подбородку пеной для бритья, Ваня выглядел как Дед Мороз. Особое сходство с легендарным Дедом придавали брови, тоже густо намазанные пеной. Скорее всего, муж собирался развеселить меня своим видом и даже сказать обязательное при этом: «Хо-хо!», но кот нарушил и его планы.

Пожалуй, из всех людей на свете, только мама улавливает мои настроения лучше, чем Иван. Стоило мне о чем-то подумать, а муж уже торопился воплотить в жизнь мои самые сокровенные мысли. Когда наступал Великий пост, то словно по мановению волшебной палочки на кухонном столе появлялся пакетики с фисташками, халва, пахлава и прочие постные восточные сладости.

Если вечером я уставала, Иван без всяких слов мыл посуду. А когда настроение падало в ноль, кто мне чесал спинку? Правильно – драгоценный муж. О таком муже мечтает любая женщина. И я вполне осознавала – повезло мне по-крупному.

Вот и сегодня, чувствуя, насколько мне тягостно уезжать из дома и расставаться с ним аж на несколько дней, Иван решил меня развеселить, и это у него получилось.

Отказаться же от командировки я не могла. Своей светской и основной работой я очень дорожила, хоть и платили там отнюдь не большие деньги. Но средств на жизнь без шика хватало, а значит, нечего бегать с места на место. Стабильность я предпочитала превыше материальных благ.

Поэтому, когда начальник попросил съездить в Рязань и разобраться с поставкой герконов на наше предприятие, мне пришлось согласиться. Лучше потерпеть три дня в разлуке с мужем, чем оказаться на учете биржи труда.

- А ну, Льюис, быстро вылезай из-под дивана, проказник! - Напуская на себя строгость, рывкнул муж на кота, чтобы не оставить его выходку безнаказанной, тем самым поощрив разбойника к дальнейшим подобным действиям. - Сколько раз тебе говорить? Настя у нас слабый пол, нельзя ее обижать. Нет, это не Льюис, а какой-то Бандириус, честное слово!

В ответ кот забился еще глубже, подобрав под себя и хвост.

- Да ладно, оставь его. Сейчас некогда заниматься воспитанием, - третий раз смазывая слегка кровоточащую рану, прокомментировала я попытки мужа вытащить наружу Льюиса для легкого шлепка. – Еще нужно успеть в дорогу еду собрать.

- Хорошо, я приготовлю бутерброды, а ты, пока заканчивай с дезинфекцией.

- Давай я тебе помогу.

- Не, лучше отдохни перед выходом или почитай что-нибудь.

Вполне обычное предложение «почитать» ввело меня в легкий ступор. Я вдруг осознала, что уже очень давно этого не делала.

Нет, разумеется, посты в соцсетях перед моими глазами пролистывались ежедневно и тысячами. На некоторых из них я даже надолго застревала, получая, как мне казалось, немалую пользу. Сколько советов по здоровью или приготовлению пищи, сколько материалов по психологии. Но так, чтобы расположиться под абажуром, раскрыть серьезную книгу и делать в ней пометки, как некогда любила делать, такого много лет не происходило.

В поисках, что бы почитать, я подошла к длинному ряду из четырех внушительных книжных шкафов, что занимали львиную долю пространства в нашей и без того небольшой однокомнатной квартирке.

Несколько ближайших полок украшала литература для новоначальных христиан, разъясняющая как себя вести при первом посещении православного храма. Затем шли повести и рассказы для той же категории прихожан. Шмелев, Поселянин, Нилус - некогда прочитанные и перечитанные по несколько раз, а после еще побывавшие в руках у многих моих знакомых, теперь пылились без пользы. Последние годы никто из сослуживцев по мирской работе не интересовался духовной литературой. Или я в ее распространении стала менее ревностной?

Целый шкаф с житиями святых и спецлитературой по патрологии, герменевтике Нового и Ветхого Заветов (наследие, оставшееся после обучения в православном университете) я однозначно пропустила. Здесь тоже все перечитано вдоль и поперек. И в любом случае – это не легкое чтиво, способное увлечь на пять-десять минут оставшихся свободными перед поездкой. То же самое касалось последнего шкафа, занятого творениями святых отцов.

Впрочем, относительно него нельзя было заявлять о полной его изученности. По крайней мере, не 24 тома Иоанна Златоуста, занимавших целую полку. С каким же усердием я когда-то их собирала! 12 первых томов по случайности удалось отхватить в нашем храме. А остальные – несколько лет докупала в Москве во время Рождественских чтений по мере их выхода в тираж. Последний том я нашла буквально чудом в православном складе-магазине, при чем в единственном экземпляре. И не мудрено. За несколько лет с начала публикации тираж издания упал в разы из-за снижения спроса.

Еще одну полку занимали труды более современных православных авторов. Письма Оптинских старцев, книги о новомучениках, труды митрополита Антония Сурожского. Я взяла тонкое издание в белой мягкой обложке «Любовь всепобеждающая. Проповеди, произнесенные в России». С фотографии под названием на меня смотрел едва заметно улыбающийся митрополит Антоний. Труды этого владыки я читала много и с упоением. Еще больше слушала аудиозаписи его бесед. Но конкретно эта книга прошла мимо меня. Как-то так получилось – купила и положила, а потом отвлеклась и забыла.

Я пролистнула несколько страниц пожелтевшей газетной бумаги, которая в начале девяностых активно использовалась для удешевления печатной продукции. Короткие проповеди. Разные темы. Как раз сейчас почитать. Или даже больше – взять в поезд. Особенно, если подведет зарядка телефона и не будет стабильного интернета для просмотра новостей.

Сунув книгу в сумку, я начала одеваться...

* * *

- Эй! Девчонка! Ходь сюды, - раздался со стороны неприятно хриплый голос, вырывая меня из воспоминаний.

Я повернулась по направлению к нему и увидела неряшливо одетого мужчину с многодневной щетиной на пропитом, помятом жизнью лице. Мужчина выходил из такой же неопрятной, как он сам лачуги. Угрюмый вид этого уже заметно пьяного человека не предвещал ничего хорошего. Мама была права, когда недавно на кухне рассуждала о сухом законе. Он не только ограничил часы продажи спиртного, но и вытащил на белый свет совсем опустившихся забулдыг. Если раньше они пили в тихушку, то теперь в поисках очередного, на данный момент – трудно доступного стопарика, вынуждены были среди бела дня светить оплывшими от пьянок рожами.

Если бы мне действительно было 12 лет, я бы не посмела послушаться, даже такого, явно асоциального, взрослого. Нехотя, но подошла бы к нему и постаралась бы выяснить, что ему от меня надобно. Но в свои реальные сорок пять, что мне мешает поступить более мудро – ретироваться без всяких лишних объяснений. Со всей мочи, я бросилась от алкаша наутек и

оставшиеся метров 300 до храма преодолела во мгновение ока. Что-то мне подсказывало – тот мужик, вряд ли интересовался религией; и уж точно хотел от меня не совместного прочтения акафиста нараспев.

Запыхавшаяся и порядком обессиленная от стресса и неожиданного кросса, я торопливо открыла тяжелую входную дверь и юркнула в церковь.

Меня обдало букетом привычных и родных ароматов. Сколько помнилось, в этом храме ладан всегда пах сухофруктами. Пройдет батюшка с кадилом и словно окатит тебя яблочным компотом. Вот и сейчас каждение только закончилось и по всему пространству распространилось яблочно-грушевое марево.

Как же я соскучилась по тягучим напевам, по едва различимой вязи славянских фраз, восхваляющих Творца! Казалось, невозможно насытится звуком давно мною заученных древних молитв. Я жадно ловила каждое слово. И молитвы живительной влагой освежали истосковавшееся по Богу сердце. Руки безвольно опустились. Слезы брызнули из глаз. Казалось вот-вот и я взлечу к Небесам. А старушечий хор, затянувший Херувимскую дребезжащими не попадающими в такт голосами, показался воистину райским пением.

Вдруг кто-то очень больно со всего размаху ударил меня в спину. В одно мгновение я упала со светозарных Ангельских высот на грешную землю, пробороздив торпедой все Небесные сферы. Страшная догадка обожгла сердце. Пьянчуга все же добрался до меня! Не оставили забулдыгу ни тяжелая дверь храма, ни страх Божий, подспудно живущий даже в самом отчаявшемся атеисте.

Оборачивалась я медленно, готовясь поднять шум на весь храм и если надо – отчаянно драться. Пусть вокруг одни пожилые, но не дадут же они в обиду этому увальню беззащитную девочку, как-нибудь всем миром отобьемся. Но за спиной увидела я не давешнего знакомого, а старушку божьего-одуванчика с почему-то перекошенным лицом.

- Когда батюшка в алтаре, нужно тоже молиться, - яростно зашипела она, сверля меня недовольным взглядом, и стала бесконечно часто креститься, показывая, какой именно должна быть настоящая молитва.

Вероятно, мой ступор от внезапно нахлынувших молитвенных чувств, из-за которого я не накладывала на себя крестное знамение, воспринялось ею как полное отсутствие молитвы.

Ситуация складывалась сколь трагичная, столь и комичная. И я никак не могла понять, как мне реагировать – заплакать или все же рассмеяться. Хотелось много высказать о «методах» ее миссионерской работы. Но что это даст? Человека столь преклонного возраста перевоспитать едва ли возможно. Да и кто меня станет слушать? В любом случае хорошо, что бабулька наткнулась на меня, а не на настоящего неопита, для которого подобная отповедь могла иметь фатальное значение. А я? Да что я? Как говорит сестра Варя: «Если нас из церкви выставят в дверь, мы влезем в окно». И тут еще в голове всплыла цитата апостола Павла из послания к Ефесянам: «Со всяким смирением и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью». Не знаю как насчет смирения, но в результате я решила не нарываться, не разбираться, а сделать то, ради чего столько времени отказывала себе в настоящем советском пломбировании и терпеливо копила мелочь.

Подойдя к церковной лавке и потянувшись к припасенным деньгам, я остолбенела. Ни молитвословов, ни Новых Заветов, ни тем более Библии там не было. Впрочем, как и любой иной печатной продукции. Даже церковных календарей и икон не наблюдалось. «Свечной ящик», или как в простонародье его называли – «касса», был в буквальном слове «свечным». Свечи трех размеров – маленькие, побольше и огромные алтарные располагались на прилавке. Рядом в алюминиевой миске, покрытой полотенцем, горкой лежали свежие просфоры, распространяя вокруг хлебный дух. Все.

Даже оловянных крестиков в продаже не имелось.

Еще надеясь на чудо и на то, что хоть для «своих» из «под полы» мне удастся что-то раздобыть, я обратилась к кассиру:

- А Евангелие есть в продаже?

Кассир посмотрела на меня как на марсианина, случайно заплутавшего в земных просторах (в чем она почти не ошиблась) и, удивляясь наивности вопроса, наконец, изрекла:

- Конечно, нет. Его же не печатают!

Туше!!

Служба шла полным ходом. Уже читали Символ веры. Для первого дня рабочей недели прихожан оказалось не так уж и мало, человек двадцать. Две старушки, только что исповедавшиеся у пожилого, не знакомого мне священника, заняли места поближе к алтарю, чтобы причаститься в первых рядах. Видя, что батюшка берет в руки Евангелие, обрамленное старинной чеканкой, и собирается уходить в алтарь, я кинулась к нему.

- Отче, у меня к вам большая просьба!

Вероятно, вид у меня был слишком встревоженный, потому что, только взглянув в мою сторону, священник тут же положил крест и Евангелие обратно на аналое и приготовился слушать. Видимо, он решил, что я тоже собираюсь исповедоваться.

- Батюшка, можно я перепишу Евангелие? – без особых предисловий приступила я. - Ну, или для начала хотя бы часть из него?

- Да где же я тебе его, дитятко, возьму? – удивился священник, держась за аналое и буквально касаясь Евангелия рукой, - у меня у самого его нет.

- Что значит «нет»? А это что? – в свою очередь удивилась я, указывая на оббитую чеканкой книгу.

- Оно богослужебное. Его прихожанам давать не положено, - строго произнес батюшка, едва не закипая. По всей видимости, мою просьбу он счел наглостью малолетки, посмеившей в неуважительном тоне разговаривать со священником.

- Интересно, в какой части «Типикона» такое указано? – не отступалась я, нарочито используя название церковного богослужебного устава (которое простые прихожане обычно не знали). Не хотелось, чтобы меня приняли не более, чем за ветреного ребенка. Подобную фишку я использовала не впервые. Например, когда в середине вечернего богослужения уборщица бралась тушить свечи, а неопытные захожане, возмущенные таким «неслыханным самоуправством» тут же бросались их зажигать, я им спокойно объясняла: «Подождите, сейчас прочтут шестопсалмие, после этого и свечи зажечь снова можно будет». Те, услышав незнакомое страшное слово «шестопсалмие» успокаивались, понимая, что я человек не случайный, что знаю порядок, и спокойно дожидались, когда можно будет снова ее зажечь.

- Ты читала «Типикон»? Где? – строго поинтересовался батюшка и его кустистые седые брови соединились над переносицей.

- Я его проходила в воскресной школе, а после даже преподавала там же. Потом, знаете ли, в интернете как в Греции – все есть. Помните знаменитый монолог Аркадия Райкина про Грецию? – хотела было ляпнуть я, но вовремя спохватилась и вместо этого пролепетала, запинаясь:

- Я... у знакомого... священника, - и сразу же, чтобы окончательно запутать следствие поспешила прибавить. - Вы его не знаете, он не местный.

- Так что же ты у него Евангелие не переписала?

В самом деле, почему? Не скажешь же, что еще не успела придумать.

- Тогда не надо было, а теперь резко понадобилось, - выпалила первое, что пришло в голову, понимая, что скоро начну путаться в фактах, и меня точно изобличат во лжи.

- Типикон, не Типикон, а богослужебную книгу дать не могу.

- Правильно, - прошипела я, вкладывая в интонацию все ехидство, на которое только была способна, - это ведь не учеников Своих Христос укорял за то, что детей к Нему не пускали. То были фарисеи, книжники, или саддукеи там какие-нибудь.

- Скажи честно. Ты откуда Евангелие так хорошо знаешь? - твердость в голосе священника свидетельствовала, что никаких дальнейших юлений он не потерпит.

И тут мне вспомнилось одно простое правило: если не знаешь, что говорить, скажи правду.

- Честно? Хорошо. Еще совсем недавно я имела доступ к неограниченным ресурсам. Что там Типикон! Минея Цветная и Постная. Жития святых, какие только в природе существуют. Любые труды святых отцов, начиная с Василия Великого и до древних египетских подвижников, от Иоанна Златоуста до Феофана Затворника. Авва Дорофей, Иоанн Лествичник, Игнатий Брянчанинов... Не сказать, что я все это не ценила. Но пользовалась... как бы точнее выразиться? С ленцой, что ли. А теперь как блудный сын, мечтаю хотя бы о хлебе, каким питаются наемники в доме Отца моего Небесного. И знаете, что я поняла? Хлеб Евангелия оказался гораздо ценнее многих информационных изысков, какими я потчевала свой ум в последнее время.

С каждым моим словом лицо пожилого священника всё больше вытягивалось, а глаза округлялись. Перечисленные мной духовные богатства могли храниться разве только у какого-нибудь архиерея. Да и то не простого, а скорее столичного. И кто его знает, не родным ли дядей он мне приходился?

- Богослужбное Евангелие написано по церковно-славянски, - под конец попытался оправдаться батюшка. Но было уже понятно, что он готов сдаться.

Если говорить начистоту, я оказалась совершенно не готовой к обстоятельствам, встреченным этим утром в храме. Во-первых, не учла, в какое попала время. Совсем забыла, что в 85-ом году Евангелие даже в церкви днем с огнем не сыщешь. Во-вторых, продолжая настаивать на своем, не вспомнила, что книга, которой так яростно добивалась, написана на славянском языке. А в-третьих...

- Что у меня за дырявая голова? Прямо как первоклассница в воскресной школе, честное слово. И что теперь мне делать с этими зачалами? - разочарованно корила я себя, когда заветная книга все-таки оказалась в моих руках.

Это означало, что текст отвоеванного у священника Евангелия, разбивался не на привычные мне главы, а на небольшие смысловые отрывки соответствующие богослужбному кругу. Которые не очень-то совпадали с главами в русском переводе.

В результате, уже не столь довольная своей добычей, я решила переписать хотя бы несколько зачал. Не уходить же с пустыми руками. Да и перед священником не хотелось ударить в грязь лицом после столь яростного отстаивания своей точки зрения. Как же я теперь жалела, что последние годы читала Евангелие лишь для того, чтобы приготовить очередной урок, но не училась сама, не питала им свою собственную душу. В памяти остались лишь несколько самых употребительных цитат и общий смысл текста.

Давно закончились литургия, молебен и панихида. Уборщица вымыла полы и вычистила все подсвечники. А я все корпела над текстом, пристроившись к церковному подоконнику. Переписывала зачала я в ученическую тетрадку, любезно предоставленную женщиной из свечного ящика. Несколько раз подходил батюшка, выяснить - как идут дела? Сперва он успокоился, видя, что я действительно владею славянским языком. Но вскоре опять начал нервничать. В конце концов, священник сообщил, что ему пора уходить и забрал Евангелие.

Только выйдя из церкви, мне вспомнилось, что отец наверняка уже приходил на обед, а меня не оказалось ни дома, ни во дворе. Конечно, 12 летний возраст - это не такой уж маленький ребенок. Но под постоянным родительским контролем я росла тихой и безынициативной.

А потому никто не ждал от меня кульбитов в виде неожиданных дальних одиночных походов и вообще пребывания где-либо вне дома без предварительного уведомления.

Быстрее всего было подняться через Ущельку. Но после утреннего инцидента... Увольте, увольте! Я теперь и глядеть в ту сторону боялась. Поэтому, не смотря на всю усталость, пришлось тащиться в обход, далеко в противоположную сторону. Кроме того, требовалось придумать и «алиби». В неверующей семье казалось немыслимо, в качестве объяснения своего отсутствия, сослаться на посещение церкви. Признаться я в пьянстве или тотальном разврате, в семейном кругу это вызвало бы меньше нареканий. А потому я решила зайти к однокласснице, посмотреть у нее фотоальбомы (или что там могла предложить мне подруга детства?) и только после этого отправляться домой.

Дома грязные тарелки в раковине красноречиво свидетельствовали, что отец действительно приходил на обед. Наверное, стоило позвонить ему или маме на работу и успокоить родителей. Но дома телефона пока не было, а идти на улицу звонить из будки после такой дальней и нервной прогулки не хватило сил. Требовалось хоть чуточку отдохнуть...

Проснулась я на диване от звука открывающегося дверного замка. Встревоженная мама, не переобуваясь, стремительно преодолела коридор и вбежала в комнату. Выглядела она натянутой струной, готовой лопнуть от какой-нибудь страшной вести. А я вся заспанная и озябшая от того, что не укрылась, поднялась ей навстречу, протирая глаза.

- Ой! Прости! Собиралась тебе позвонить, да уснула...

- Я чуть с ума не сошла! Где ты была? – выпалила мама, сползая на стул.

- У Светы. Потом еще гуляла долго по улицам... устала.

Я чувствовала себя неловко, что заставила волноваться родителей. Но тоненькая тетрадка с переписанными зачалами грела мою душу. Хотелось поскорей закончить это дело. Не знаю, сколько времени придется здесь торчать, прежде чем вернусь домой. Но Евангелие в любом случае мне пригодится.

Вскоре пришел папа.

- Явилась, не запылилась! Ну, и где ты пропадала? – громогласно выдал он с порога

- В хороших местах, – уже полностью проснувшись, наигранно - бодро отчеканила я. –

А ты где?

- Вообще-то, я на работе был, - ответил отец тоном, каким обычно качают права.

- А-а-а... - многозначительно протянула я и добавила игриво, - а я – на каникулах.

От неожиданности такого заявления и беззаботности, с которым я его произнесла, отец даже не нашелся, что ответить. Вроде надо поругать, но как будто и не за что. Ведь, правда же – каникулы.

Наконец, ни то обиженно, ни то нравоучительно он произнес.

- Ты бы хоть записку оставила.

Вот тут я с ним была полностью согласна. Но продукт техногенной цивилизации – привычка отправлять СМС-ки по ходу дела, а не загодя.

Вскоре вернулась и Варя. Весь день она провела в институтской общаге, готовясь с подругой к сессии. О случившемся инциденте она не знала, и рассказывать ей никто не спешил. Не потому что секрет. Просто не пришлось к слову.

- Ну а завтра чем ты намерена заниматься? – поинтересовался у меня папа во время семейного ужина. И я немного напряглась.

- Пока не решила. Может, по магазинам прошвырнусь. Любопытно где сейчас что и почем. Или в парк какой-нибудь схожу.

- Да тебе после сегодняшнего вообще неделю дальше двора выходить нельзя! – рявкнул отец, так что всем уши заложило, а я от неожиданности подпрыгнула.

- А что сегодня? – поинтересовалась Варвара, не будучи в курсе, какой переполох устроила ее младшая сестренка.

- Ой! Да ладно! – возмутилась я. – Эка невидаль, одна прогулялась по улицам. И между прочим, я извинилась.

- Я не слышал.

- ...перед мамой.

- Да что вы ругаетесь по пустякам? – удивилась Варвара, - завтра у меня весь день свободен. Кто курсовую написал на отлично, тех преподаватель обещал на экзамене не напрягать. Поэтому завтра я заскочу в институт только поставить экзамен автоматом. А потом мы с Настей сможем погулять хоть по городу, хоть по паркам.

Такой вариант устроил всех.

Шел второй месяц после того, как я переместилась в восьмидесятые годы, но только сейчас я наконец-то смогла вырваться в центр, чтобы осуществить мечту любого путешественника во времени – побывать в городе своего детства.

Проходя с сестрой по коридорам родного института, я прикидывала, каково это повторно пять лет провести в его стенах? Почему-то подобная картина будущего особого энтузиазма у меня не вызывала, впрочем, как и в той, в первой жизни. Тогда, окончив школу, я совершенно не представляла, куда бы приткнуться и пошла в авиационный исключительно по настоянию отца.

Мне нравилась биология, скорее даже ботаника. Но, допустим, закончила бы я биофак. И что? На хлеб насущный с таким образованием вряд ли заработаешь. Идти работать в поля или учителем в школу? От подобных перспектив бросало в дрожь. Да и химию в нашей школе слабенько преподавали. С такими знаниями на биофак не поступишь.

Идти на медика? Ужас! Ужас!

Ветеринария привлекала чуть больше, и то лишь благодаря Джеймсу Хэрриоту, английскому айболиту, книжками которого мы с мужем в одно время просто зачитывались. Но нет, всё равно – не моё!

Двинуться по литературной стезе? От одной мысли, что тогда придется перечитывать всего Толстого, меня просто выворачивало. Почему-то произведения Льва Николаевича я невзлюбила сразу и навсегда. Из всей школьной программы «Война и мир» осталась единственной недочитанной книгой.

Философия? Просто не обсуждалось! Кроме пресловутого «Капитала» и трудов Ильича на филфаке сейчас ничего не знают. Да и в этих идеалах скоро разочаруются. Даже такой убежденный коммунист, как отец, понимал – чтобы жизнь посвятить изучению Марксизма-Ленинизма, это ж насколько нужно иметь вывернутые мозги?

Попробовать себя в качестве историка? Сколько раз переписывалась эта история! До правды все равно не докопаешься. Поэтому – смысл?

Психология? Вариант в целом интересный, над ним стоило бы подумать. Забавно, но раньше я совсем не различала психиатров от психологов, и боялась наобщавшись с психами сама свихнуться.

Провести всю жизнь среди приборов, правда, мне тоже не улыбалось. Но, по крайней мере, в авиационном были связи. Что для такой неумехи, которой я себя всегда считала, да с моим хлипким здоровьем, а значит – с частыми по болезни прогулами, имело большое преимущество.

Я едва поспевала за сестрой, мечущейся по коридорам в поисках той самой аудитории, где должен был проходить её экзамен. Озабоченные сессией студенты с портфелями-дипломатами и с тубусами, наполненными чертежами, шныряли небольшими стайками или по одному. У дверей одного из кабинетов стояли однокурсники Варвары и еще другие студенты с их потока. Кого-то я видела в первый и последний раз, так как после первого курса многие отсея-

лись. Некоторые были знакомы мне по снимкам. Сестра увлекалась фотографией, немудрено, что её друзья то и дело попадались в кадр.

- Игнатьева!

Мы с Варей, услышав свою фамилию, одновременно обернулись и увидели подходящего к нам Филю – однокурсника Варвары.

- Это что ли твоя сестренка? – удивился он, оглядывая меня – маленькую копию своей старшей сестры, - Разрешите представиться. Филипп Корнев.

- Как официально... - улыбнулась я, окидывая взглядом чернявого студента в жилетке и галстуке. - Впрочем, для будущего банкира, вполне под стать. Ну а я - Анастасия Андреевна.

Они засмеялись, приняв последние слова за шутку. Однако годами работая преподавателем воскресной школы и богословских курсов, я просто привыкла представляться именно так.

- Игнатьева, ты как все смертные или тебе «автомат»? – опять обратился Филя к Варваре.

- Пулемет на расстоянии протянутой зачетки.

- Ясненько. Тогда иди скорее отстреливаться. И без тебя здесь не протолкнуться...

Вот так галопом по Европам обошли мы с сестрой нашу альма-матер и выскочили на улицу.

- Ну, и куда бы ты хотела пойти? - поинтересовалась Варя, запихивая в сумочку зачетку, утяжеленную пятеркой.

- Наверно ты будешь смеяться, но... в универмаг. Меня просто распирает любопытство – каково оно там.

- Что «оно»?

- Всё! Люди, обстановка, цены, товары. Я хочу всё-всё вспомнить и прочувствовать! А то с этими больницами... - спохватившись, добавила я, боясь выдать свое иновременное бытие.

Двухэтажное здание универсального магазина могло впечатлить своими размерами всех, кто никогда не видел гигантских торгово-развлекательных центров 21 века. Самообслуживание в Универмаге осуществлялось лишь в отделах одежды и обуви. Во всех остальных случаях, товар выставлялся для обзора на прилавках и выдавался для осмотра, стоявшими у касс продавцами, которые, кстати, показались мне вежливыми. Если честно, из детства я вынесла несколько иные воспоминания. Может, работа на таком центральном месте сулила доступ к серьезному дефициту, а потому люди за него держались и, как следствие, вели себя более цивилизованно?

Пройдя отделы с яркой пластмассовой бижутерией, только входящей в моду, мимо полок, заставленных грампластинками с записями детских сказок и классической музыки, мы оказались в отделе тканей. И тут я увидела гипюр! В советское время он не являлся большим дефицитом. Но чаще всего, его рисунок формировали достаточно крупные цветы или вообще какие-то ромбики. Мне же всегда нравился гипюр в мелкий цветочек. И именно такой сейчас лежал на прилавке.

Гипюр! В честь него я могла бы сочинить и продекламировать оду. При одном его виде сердце замирало от восторга. Как мне нравилось созерцание этой великолепной, практически воздушной материи состоящей из сплошных кружев. Такого просто не бывало, чтобы, проходя мимо гипюра, я не задержалась прикинуть, куда бы его употребить?

Когда в моем времени вошли в моду гипюровые платья в сочетании с не менее любимым атласом, я, не смотря на ипотеку и не шибко устойчивое финансовое состояние в семье, все же заказала по интернету гипюровое платье. Жалко, не успела его поносить. Только при виде гипюра, я вдруг осознала, что уже несколько лет вообще не ходила по вещевым рынкам и бутикам. А всю одежду и многие промышленные товары заказывала через интернет.

- Что, Насть, понравилось? – спросила Варвара, заметив моё восхищение.

- Не то слово! Так бы и осталась здесь любоваться. Только на такие безделушки денег мама не даст.

- Если хочешь, я тебе его сама куплю. Как раз стипендию получила. Будет подарком... какой там следующий праздник?

- Новый год через полгода, усмехнулась я. - Раньше ничего не планируется.

- Ну, вот, дата и событие назначены. А, собственно, для чего тебе материал? Ты же не умеешь шить.

- К-как... не умею? – забеспокоилась я, уже не помнившая в каком классе нас начали обучать шитью. На всякий случай добавила. - У нас хорошие уроки труда...

- А-а-а... - теперь уже Варвара начала сомневаться в своей памяти относительно того, в каком классе на труде чему учат.

И тут я вспомнила, что всю жизнь мечтала о гипюровых школьных фартуках. Когда училась в школе с небольшой, но завистью смотрела на одноклассниц, которые могли себе позволить подобную «роскошь». Обычно такие фартуки им заказывали в ателье. Какое расточительство! Я сама теперь неплохо шила. Было бы только из чего. Особенно намахрилась я с журналами «Бурда моден», которые появились... появятся в нашей стране, кажется чуть позже. С их выкройками, выверенными с немецкой педантичностью, я более-менее спокойно пережила дефицит восьмидесятых-девяностых годов. Но и когда окончила школу, любовь к гипюру не испарилась.

Прикинув, сколько потребуется материала, я дополнительно выпросила у сестры и несколько метров кружевной тесьмы на отделку. Варвара никогда не слыла жадиной, скорее даже наоборот. Если я предпочитала дарить подарки дешевые, но нужные (даже миллионеру раз в жизни требуется новый консервный нож), то сестра предпочитала одаривать широко и по полной. И кто только ее добротой не пользовался... Я не хотела вставать в очередь с этими соискателями. Но теперешнее зависимое финансовое состояние не оставляло мне выбора. К тому же подарок на Новый год – дело святое. И когда придет время, я не воспользуюсь Вариной забывчивостью и обязательно напомню ей о загодя сделанном подарке, чтобы дополнительно не тратилась. В своем же реальном детстве, не моргнув, промолчала бы.

Довольные покупками, мы вышли из универмага и неожиданно для себя наткнулись на огромную очередь, состоящую преимущественно из одних мужчин. Здесь толпились и аккуратно одетые интеллигенты с портфелями из козла и разухабистые пройдохи со вчерашним перегаром. Очередь была длинная и, в своем хвосте общем-то, тихая. Но ближе к самому прилавку творилось нечто невообразимое. Мужчины лезли, чуть ли не по головам друг друга, прорываясь к какому-то небольшому окошку. В этой части очереди об этикете или хотя бы цензурном общении не было и речи.

- Что там творится? – вытягивая голову, пыталась рассмотреть я причину происходящего бедлама.

- Как что? Водку продают только с двух до семи. Вот они и толпятся. Сухой закон! Пойдем-ка отсюда, Настя, подбру-поздорову. Хотя бы в сквер Ленина, что-ли.

Много лет спустя я полюбила бывать в этом сквере вместе с мужем. Особенно он нравился нам весной. Шикарные кусты жасмина и сирени, уже с дальнего расстояния пьянили прохожих своим чарующим ароматом. И на их фоне мы с мужем не раз и не два делали селфи. Памятник вождю пролетариата, находящийся посреди сквера пережил и крутую переоценку ценностей перестройки и безразличное наплеватьство 2000-ных потому, что являлся самым первым в стране памятником Ильичу.

Сейчас же вместе с сестрой, обходя сквер вдоль симпатичных цветочных клумб, я заметила, что жасмина там вообще нет, а шикарная кустистая (в моем времени) сирень оказалась неожиданно маленькой и какой-то ободранной.

Мы заходили то в один, то в другой магазин, попадающиеся на нашем пути. Если бы муж оказался в прошлом, то, наверное, искал иные места освежить детские воспоминания. Но меня прямо распирали всякие «что-где-почем»? В своем времени я особым шопоголизмом

не отличалась. Но видно для женщины всегда важно знать, какими ресурсами она обладает. Иначе как обустроить хозяйство?

Вот мы и тыкались буквально в каждую открытую дверь под вывеской.

Подивились хамству продавцов близлежащих продуктовых магазинов, грязи и вони в овощном. Но зато цены! Что десяток яиц, что килограмм минтая стоил по 30 копеек. Это же все можно забабахать на две сковородки и накормить большую семью почти даром! А если в яйца еще пустить помидорку и приправу...м-м-м... Вот только с приправой дела обстояли не очень. Лавровый лист, перец черный молотый или горошком – и это все! За остальными изысками требовалось тащиться на Центральный рынок, а это не ближний свет.

А вот в отделе антиквариата книжного магазина мы увидели...

- Варя! Смотри! Это же Библия! – теребя сестрину руку, я безотрывно глядела на дореволюционный манускрипт в настоящей кожаной обложке, лежащий под стеклом витрины, дразня раскинутыми страницами. Оценивался он больше тысячи рублей – бюджет нашей семьи за полгода, если ни есть, ни пить, и о всяких там гипюровых фартуках забыть.

Глава 4

Глава 4. В поисках Евангелия.

Следующие два дня в нашей квартире не затихал стрекот швейной машинки. Под конец я чувствовала себя уставшей, но счастливой. Два школьных фартука – белый и черный, отвечали всем моим представлениям о красоте и функциональности. Фартуки – это не платье определенного размера. При аккуратном использовании они могли прослужить вплоть до выпускного. Ими мне очень удачно удалось притупить бдительность взрослых, особо пристально следивших за местонахождением младшей дочери после ее неожиданной отлучки. Да и сама я немного отвлеклась.

При этом я ни на мгновение не упускала из виду своей главной цели – переписать Новый Завет. И параллельно просчитывала в уме, как и когда лучше это сделать.

Наученная горьким опытом, в этот раз я подготовилась капитально и все рассчитала до мелочей. В пятницу у Варвары был экзамен. Поэтому она уходила утром вместе с родителями. Сумочка, напичканная ручками, тетрадками, и косынкой лежала наготове. Записку о том, что, мол, не волнуйтесь, я пошла гулять – приготовила заранее.

Как только за ушедшими шелкнул входной замок, я быстренько оделась и последовала за ними. В этот раз я собиралась посетить дальний храм. Пробираться вновь через Ущельку было боязно. Да и вряд ли тамошний священник согласится и в этот раз дать Евангелие. Для подобных просьб хорошо срабатывал эффект неожиданности. Но если человеку давать время на обдумывание, он уже вряд ли решался на действия, грозящие ему реальными преследованиями со стороны властей.

В трамвае без кондуктора я прокомпостировала один из проездных талонов, взятых из дома. Стоит три копейки, а объехать по нему можно весь город. Я бы еще долго релаксировала по поводу дешевизны советского транспорта, если бы над ухом не прогремело:

- Ну что за воспитание? Нет, чтобы старшим место уступить. Так они устывают в окно, и сидят себе, будто никого не замечают.

Я с удивлением подняла голову и встретила глазами с женщиной моих лет, если не моложе. Не понимая, чем вызвана ее неприязнь, я обвела взглядом окружающих. К моему удивлению они тоже смотрели на меня с осуждением. Какой-то мужчина даже фыркнул в мою сторону

- Небось, еще и пионерка.

Только тут меня обожгла мысль, свыкнуться с которой мне все еще было трудно, что для всех я не взрослая женщина под пятьдесят, а ребенок, причем, судя по поведению, достаточно наглый.

Как ужаленная я подскочила, уступая кресло женщине, метавшей в мою сторону гром и молнии. И молча, сгорая от стыда, сделала очередную мысленную пометку «теперь всем нужно уступать место, за исключением сегодняшних ровесников». Благо, что до церкви оставалось совсем недалеко, поэтому уже скоро я с облегчением выбралась из трамвая.

Машин на улице оказалось мало... очень мало, даже до неприличия. Прихожан же и в этом дальнем храме набилось достаточно. Зато служил батюшка, которого я впервые встретила еще в период своего воцерковления, а потому знала его достаточно хорошо. Пока еще не до конца белая борода (какой я ее помнила) обрамляла его доброе лицо с лучистыми глазами. Вот с кем наконец-то удастся договориться о Евангелии!

Я уже собиралась кинуться к батюшке со своей просьбой, радуясь, что не даром взяла общую тетрадь и даже размечталась о разговоре по душам со старым-новым знакомым. Но что-то вдруг меня остановило. Внутренним чутьем я вдруг ощутила чужое внимание. Инстинк-

тивно повернув голову в сторону, откуда исходила смутная угроза, я перехватила взгляд мужчины в темном сером костюме и одноцветном галстуке. Внутри меня все похолодело. Я его узнала! Нет, никогда мы с ним не встречались ни в этой жизни, ни тогда. Просто тут же стало ясно, что это, если и не работник КГБ, то, по крайней мере, какой-то представитель полномочного по делам религии.

Из исторических книг и рассказов очевидцев мне было известно, что в советское время в храмы нередко являлись активисты и лазутчики от властей, чтобы шпионить за теми, кто посещает церковь. О таковых, естественно докладывали на рабочие места или по месту учебы. Инакомыслящим устраивали товарищеские суды, бывало, понижали в должности, а то и вовсе увольняли бедолаг с работы. Если станет известно, что дочь коммуниста была в храме, то и отцовская карьера полетит в тартарары, и мне придется не сладко. Конечно, на любой аргумент против религии у меня имелся контраргумент. К тому же я знала, что если и начнутся гонения, то все это ненадолго. Однако проблем совершенно не хотелось.

Между тем, смятение в моем взгляде дало понять «агенту», что он опознан. Шпион нервно сглотнул и весь как-то съехался. И вдруг я в нем разглядела не винтик государственной машины, не представителя партаппарата, а уязвимого человека. И это осознание придало мне уверенности. Я с подчеркнутым спокойствием отвернулась и, как ни в чем не бывало, перекрестилась. Только подходить к священнику, разумеется, уже не стала.

Когда литургия заканчивалась, заметив, что «агент» на что-то отвлекся, я тихохонько выскользнула из храма и опрометью кинулась к трамвайной остановке, словно за мной, в самом деле, гнался целый отряд КГБшников. Только направилась я не в сторону дома, а в противоположную. Затем пересела на автобус. И еще долго бы колесила по городу, из опасения преследования, но вдруг в окне автобуса промелькнули знакомые слова: «Молитвенный дом для всех народов». Баптисты! Ну, конечно! Как же я сразу не догадалась? Вот где в советское время точно можно было найти текст Евангелия на русском языке!

Выскачив из автобуса, я поспешила в нужном направлении. Я помнила этот дом по своему времени, но не узнала его в нынешнем. Сейчас это была обычная деревянная изба, обшитая вагонкой, ничем не примечательная снаружи, кроме одной детали. Во дворе стояла достаточно большая туалетная будка с двумя кабинками, на которых ярко-желтой краской было выведено «М» и «Ж».

Выйдя на ближайшей остановке и немного пройдя назад, я постучалась в калитку молитвенного дома. Надрывно и зло залаяла собака. Потом послышались шаги, и передо мной предстала миловидная женщина средних лет. Ее голову украшала полупрозрачная цветастая косынка с люрексом.

- Тебе чего, девочка? – поинтересовалась она и гостеприимно улыбнулась.

- Здравствуйте... э-э-э... даже не знаю с чего начать. Вы же баптисты? Я не ошиблась?

- Да, - после секундного колебания ответила женщина и зачем-то заглянула за мои плечи, словно надеялась (или боялась) там кого-то увидеть.

- Слава Богу! – облегченно выдохнула я и с благодарностью к Небу закатила глаза. - Понимаете, я бы хотела переписать Евангелие, чтобы оно всегда было под рукой. И просто уже не знала, к кому с этим обратиться. Тут вспомнила про ваш Дом...

- Давай пройдем внутрь? – предложила женщина, понимая, что у порога не стоит решать серьезные вопросы.

Пропустив меня на огороженную высоким забором территорию, женщина еще раз оглядела округу, прежде чем с шумом захлопнуть калитку.

Пес, видя, что хозяйка радушно встретила посетительницу, дружелюбно замахал хвостом и весело высунул язык. Похоже, теперь он не возражал, чтобы его погладили.

- Чай будешь? – спросила хозяйка, приглашая меня к столу, застеленному яркой клеенкой.

- Нет, спасибо, - ответила я на автомате. Но потом вспомнив, что с утра убежала из дома даже не перекусив, поспешила поправить себя, - впрочем, если вам не трудно...

- Ты сама-то, кто?

Я пожала плечами

- Девочка.

- Я не про то. Ты – баптистка?

- Нет. Я – православная.

- Вот как! Почему же тогда пришла к нам?

- Вы не поверите, но в нашей церкви не удалось найти Евангелия на русском.

- Еще бы! – не без превосходства усмехнулась женщина, - у вас ведь Евангелие только целуют, а не читают.

- Ой! Вот только не надо сейчас вспоминать друг про друга старые байки. Если бы не Православие, а Баптизм был старше на несколько веков, вы и не такими традициями и пред-
рассудками обросли, - так и вертелось у меня на языке. Но я очень нуждалась в Евангелии. Очень! А поэтому решила не обострять ситуацию. И ответила дипломатично:

- Почему же целуют? На каждой службе у нас прочитывают Евангелие, только по церковно-славянски. И потом, зачем нам – христианам собачиться? При нынешней эпохе атеизма, верующим людям нужно держаться друг за друга.

- Хорошо. Я сейчас позвоню нашему пастору. Спрошу, сможет ли он принести Евангелие? Он тут живет неподалеку.

- А разве у вас у самой его нет? – удивилась я и, честно сказать, не поверила.

- Конечно же, нет. У нас на общину всего один экземпляр.

Напившись чаю с печеньками, я начала осматривать молитвенный дом. Изнутри он оказался намного просторнее, чем виделся снаружи. Два ряда длинных скамеек занимали почти все пространство, которое заканчивалось деревянной кафедрой, стоящей на некоторой возвышенности рядом с черным лакированным пианино. В углублении стены позади кафедры помещался четырехконечный деревянный крест в человеческий рост без всяких перекладин, привычных православному сердцу. По бокам от него располагались окна с достаточно плотными занавесками. Наверху висела обычная советская люстра.

Вскоре дверь в зал распахнулась, и мы увидели крепкого коренастого мужчину явно пенсионного возраста с полиэтиленовым пакетом в руке. Поприветствовав нас с женщиной за руку, будто не обращая внимания на наш пол, пастор приступил к расспросам, к которым я уже начала привыкать. Кто я? Почему интересуюсь Евангелием? Откуда знаю о баптистах? И тому подобное.

Немного видоизменив версию, которую недавно выдала священнику из Преображенского храма, я сформулировала ответ, который потом часто повторяла, описывая свою ситуацию. Он содержал правду, несколько адаптированную под новую обстановку, о том, что я имела доступ к достаточно хорошей духовной библиотеке. Думала, что так будет всегда, но однажды все изменилось. По вполне понятным обстоятельствам имен называть не могу.

- ...теперь по крохам пытаюсь собрать хоть что-то. В первую очередь, конечно, Евангелие. Потому что без него какие мы христиане?

- А какое из Евангелий лично тебе нравится больше всего? – задал пастор последний контрольный вопрос.

- От Матфея.

- Почему?

- Даже не знаю... Конечно, у Луки для достойного Феофила Евангелие изложено по порядку и чувствуется, что он провел тщательное исследование всех описываемых событий. У Иоанна – ода Господней любви. А ещё он здорово сумел разглядеть Божественную природу Христа, проник в Его внутренний мир. Марк – торопыга. Его слог стремителен, прямо-таки

экшн в прозе... ну, то есть, Иисус у него всегда в действии, сплошная движуха. Недаром в этом Евангелии через каждое слово – «тотчас», «тотчас». А Матфей... может, ценю его книгу из-за связи с Ветхим Заветом. Все эти цитаты, отсылки, исполнившиеся пророчества... С Евангелием от Матфея вся Библия как бы обретает цельность, и ты вдруг видишь Божий замысел спасения человечества от начала и до конца.

Пакет выпал у пастора из рук прямо на стол. Без лишних слов он пододвинул его мне. Я бережно взяла пакет и развернула. Внутри оказалась книга в твердом переплете, обшитая черным дерматином, с золотистым четырехугольным крестом (в отличие от православного восьмиконечного) на обложке.

После того, как в поезде я не захотела открывать в смартфоне библейское приложение, времени прошло всего ничего. А как кардинально изменилось мое отношение к Книге книг!

Не смотря на предпочтение Евангелия от Матфея всем остальным, для начала решила переписать более короткое Евангелие от Марка. Пастор разрешил приходить и переписывать хоть каждый день. Но я не знала, какие еще сюрпризы готовила мне жизнь, и спешила закончить свою работу как можно быстрее.

Я безжалостно сокращала текст, как только могла. Использовала значки, придуманные еще в институте, дабы поспевать за лектором. Куски текста, которые помнила наизусть, просто пропускала, ставя волнистую черту.

Хорошо ли, плохо ли, но к вечеру одно Евангелие оказалось переписанным полностью. Причем, что ценно, с указанием номеров глав и стихов. Это означало, что только неделя отделяла меня от обладания всех четырех Евангелий, и месяц – от целого Нового Завета.

На прощание я сообщила сторожике в газовой косынке, что вернусь только в понедельник, поскольку неверующие родители не разрешат мне придти в выходные дни. При последних словах тень беспокойства почему-то отразилась на лице женщины. Но я не придавала этому особого значения, решив, что она мне просто сочувствует из-за огромного объема предстоящей работы. Благодаря Богу за удачно проведенный день, вполне довольная собой, я отправилась домой.

Недоброе предчувствие охватило меня, едва я подошла к квартире. В этот раз записка для родителей лежала на самом видном месте. И всё же было волнительно, не иначе быть неприятностям. На всякий случай сумочку с переписанным Евангелием я спрятала в ящик с картошкой, стоявший у нашей квартиры. Сверху для надежности прикрыла её каким-то мешком, лежавшим внутри. С тревогой внутри и с безбашенным выражением лица снаружи я открыла ключом входную дверь.

Первой в прихожую вбежала мама. Ее взъерошенный вид свидетельствовал о том, что меня опять ждет серьезный разговор. Предваряя все вопросы, я взяла инициативу на себя.

- Что опять не так? Неужели вы меня снова потеряли?

- Насть, ты вообще в курсе, сколько сейчас времени? – спросила подросевшая сестра.

- Всего... - я взглянула на часы и ахнула, - ого! Начало одиннадцатого. Но все равно, время-то детское.

- Детское?! Тебя сегодня весь день дома не было! Где ты пропадала?

- Ходила по городу. Ездила на трамвае. Каталась на автобусе. Каникулы же! – поспешила я закончить объяснение доводом, который в прошлый раз имел решающее значение. Хотя, отлично понимала, что один и тот же аргумент дважды обычно не срабатывает. Так и получилось.

- Ты нам своими каникулами зубы не заговаривай! – рявкнул, появившийся в коридоре отец. - Мама с Варей даже к подружкам твоим ходили искать тебя. Думали уже в милицию обращаться.

Видя, что у отца в руках ремень, я поежилась.

- А это еще зачем? – опасливо кивнула я на объект ребячьего страха. В детстве пороли меня нечасто, скорее даже редко. Больше пугали. А если когда и брались за ремень всерьез, то экзекуция оказывалась исключительно мягкой, едва ощутимой. Никто не собирался вбивать в меня добродетель через боль. Но боявшаяся всего на свете, больше прочего я робела перед физическим воздействием. И прилагала все силы, чтобы его избежать. Может отсюда взялась моя изворотливость и где-то даже хитрость?

- Пороть тебя буду. Надо же как-то воспитывать.

- Еще чего выдумали! – возмутилась я, вкладывая в слова всё негодование, на какое только была способна. Теперь боли я не опасалась. Но вот так просто позволить себя выпороть?

Называйте это нехваткой смирения, обвиняйте в гордыне и нежелании каяться в данном пороке. Ваше право... поступать, как считаете правильным, но не лезьте со своими заморочками к другим... ко мне. Теперь. Я. Не позволю. Прикасаться. К себе. Слишком много сил я положила, чтобы выковать внутренний стержень, способный выдержать маломальское давление со стороны, и не дать мне прогнуться перед первыми же жизненными невзгодами. Не в таком уж бесправном положении я сейчас, чтобы просто принять ситуацию, не попытавшись внести коррективы. Есть время разбрасывать камни, а есть собирать. Хех... а не покидаться ли «камнями» прямо сейчас?

- Папа, ультимативно воспитывать детей следует только до 12-ти лет. – Как можно спокойней произнесла я, хотя внутри всё тряслось, не от страха – от психологического напряжения. – С теми же, кто постарше приходится договариваться. Неужели, когда мне исполнится двадцать, ты тоже за ремень схватишься?

- Тогда – нет. А сейчас придется, раз ты русского языка не понимаешь...

- Минуточку-минуточку, - упреждающе подняла я руку, - причем здесь грамматика? И потом. Что-то я не припомню, чтобы в нашей семье хоть раз вслух озвучивалось правило «гулять можно до столько-то и не позже, а иначе – порка».

- А ты раньше практически и не гуляла.

- Все течет, все меняется. И, если вы еще не заметили данного факта, сообщаю – я выросла и повзрослела. Точка! Отныне мне требуется куда больший простор действия. Пап! Ну, хотя бы ты вспомни себя в моем возрасте. Помнишь свои 12 лет?

- Помню, - как всегда уверенно ответил отец. Впрочем, я давно усвоила, что уверенно он говорил даже о тех вещах, о которых не имел понятия. Тем не менее, я продолжила, словно получила необходимое мне подтверждение.

- Ещё бы! Деревенским парнем в 12 лет ты уже пас совхозные стада, один на лыжах ездил в райцентр. Без взрослых ходил в лес и на сенокос. И не удивлюсь, если в этом возрасте тебе доверяли трактор, - я слишком хорошо знала своего отца, и понимала, что смягчить и отвлечь его можно, только если пропеть в его честь какие-нибудь дифирамбы.

- Нет. На трактор впервые я сел в 14 лет, - уже куда более мягким тоном произнес отец, увлекаясь приятными для него воспоминаниями, - а вот за рулем дядиной «Победы» приходилось сидеть и в 12. Верхов на коне я вообще с трех лет.

- Вот! – согласно кивнула я – Мой сегодняшний поступок до твоих в моем возрасте даже и близко не дотягивает.

- Не забывай, я в деревне жил. В городе совсем иная ситуация.

- Тогда отвезите меня на лето в деревню к бабушке. Чтобы и мне было раздолье, а вам – не так волнительно. Тем более, это абсолютно совпадает с советом врача.

Похоже, родителям такая мысль понравилась. По крайней мере, претензий они больше не предъявляли. Не зря, ох не зря, муж называл меня «хитрюгой лисичкиной».

- Как экзамен? – поинтересовалась я у сестры-студентки, когда мы с Варварой наконец-то остались в своей комнате одни.

- Пять.

- Я в тебе ни грамма не сомневалась, - похвалила я ее, откидываясь на спинку стула. Денек выдался тот еще, да и вечер оказался не лучше.

- Может поделишься, где ты, в самом деле, пропадала? – спросила сестра, пока родители находились далеко и не слышали, о чем мы секретничаем. Между нами не было тайн. Поэтому Варвара надеялась на полную откровенность с моей стороны.

- Да говорю же, на транспорте каталась! Вон, билетиков полный карман. На что только не смотрела. Куда только не заходила... сперва в одну церковь, потом в другую, - уже с улыбкой дополнила я.

- Ну, ты даешь! – шепотом, но восхищенно воскликнула сестра. Мои похождения по церквям ей показались обычным проявлением подростковой дерзости. На том все и замаяли.

Проторчав вместе с домочадцами перед телевизором два выходных (до головной боли, надо сказать), в понедельник я вновь направилась к баптистам. Родители все же решили отправить меня в деревню. Поэтому до отъезда я надеялась закончить хотя бы с Евангелием.

На этот раз пастор меня уже ждал. Хотя мне достаточно было бы оставленного Нового Завета. Он что, не доверяет мне или сторожихе? Но как раз книги почему-то нигде я и не увидела. Точно, не доверяет.

- Настя... ведь, кажется, так тебя зовут? – мягко начал пастор, и эта подчеркнутая вежливость сильно меня напрягла. - Скажи, пожалуйста, сколько тебе лет?

- Двенадцать, - закусив губу, ответила я, уже догадываясь, что разговор этот не к добру.

- Значит, несовершеннолетняя. А твои родители знают, что ты сюда к нам ходишь?

- Не тяните kota за хвост. Они этого категорически не любят и начинают цапаться. Говорите прямо. К чему вы клоните?

- Мы не имеем права на религиозно-просветительскую работу или проповедь среди несовершеннолетних без разрешения их родителей... письменного разрешения, - пастор выразительно так на меня посмотрел, словно этим взглядом пытался объяснить то, что не осмеливался произнести вслух.

- Понятно... - в одно мгновение разочарование выжгло все надежды, поддерживающие меня несколько дней. Затем я тихо прибавила, озвучив то, что не решился сказать пастор. - Посоветовались с кем-то, да? Ла-а-адно. Однако на прошлой неделе вы были весьма гостеприимны ко мне. И на том спасибо!

Я встала с табуретки и пошла к выходу. На пороге обернулась.

- В благодарность хочу дать один крохотный совет... на ближайшее будущее, так сказать. Скоро, я бы даже сказала – весьма, во все церкви, и к вам в том числе, хлынут люди. Вместо этой избушки поставят добротный кирпичный дом с обширной кухней на цокольном этаже, с библиотекой и книжным магазинчиком. Народу будет все прибавляться, и даже новое здание покажется тесноватым. И все-таки не поддавайтесь искушению, не затевайте стройку ещё одной огромной церкви с залом на тысячу мест. Не повторяйте наших ошибок! Все силы обратите на проповедь Евангелия... пожалуйста.

Не успеете вы возвести и первый этаж нового молитвенного дома, как людской поток спадет, а деньги кончатся. Да и не к чему вам столь грандиозные проекты. Как говорится: «Церковь не в бревнах, а в ребрах». Кирпичного двухэтажного дома для вашей баптистской общины вполне хватит. А то ведь долгие годы будет торчать эта железобетонная глыба памятником нерадения о людских душах. Стыдоба, да и только.

Я вышла, оставив внутри ошарашенного пастора со сторожихой. Сидя в дребезжащем трамвае, пришлось на ходу менять свои планы.

Что мы имеем на сегодняшний день? Одно зашифрованное иероглифами, но полностью переписанное Евангелие на русском и больше десятка зачал на славянском языке. Пока не уехала в деревню, не торопясь, я приведу Евангелие от Марка в нормальный читабельный вид.

Оставшейся недели мне как раз должно хватить. А все остальное лето буду просто отдыхать и немного учиться!

Глава 5

Глава 5. На деревню к бабушке.

К своей матери (нашей с Варварой бабушке) отец навещался раз в год. А иногда и того реже. Деревня от нашего города находилась достаточно далеко. Дорога на автобусе занимала почти целый день, требовала пересадок, а потому отправить туда несовершеннолетних детей без сопровождения взрослых, не представлялось возможным. Вот и приезжали мы к бабушке только с отцом. По крайней мере, пока не подросли.

Еще во время Великой Отечественной войны бабушка овдовела и одна поднимала троих детей, за трудовни работая в совхозе с раннего утра до позднего вечера. Когда же дети выросли и уехали в город, сперва учиться, а потом и вовсе там осели, бабушка оказалась одна и без столь необходимых в хозяйстве мужских рук. Поэтому, как только папа к ней приезжал, тут же развивал активную деятельность.

Топором или рубанком он ровнял на кухне непослушную половицу, которая почему-то выпячивалась каждые год-другой. Из-за нее дверь между комнатой и кухней открывалась с большим трудом. Иногда отец ремонтировал забор или почерневшую от дождя деревянную скамью перед домом. Чинил сарай. Рубил и складывал дрова. Да мало ли в деревне дел?

Работал отец быстро, красиво, словно это для него не стоило никаких усилий. За что бы он ни брался, хоть дома, хоть на работе, хоть в деревне, делал это играючи. Под его четкими и выверенными движениями грядки становились исключительно ровными и стерильно-чистыми от сорняков, квартира – образцово-показательной, а уж если папа брался устраивать стол, то его сервировке позавидовал самый чопорный англичанин. Копал ли он картошку или, много лет спустя, осваивал компьютер – суть всего папа схватывал моментально, словно всю жизнь только этим и занимался. Я долгое время никак не могла понять, как у столь продвинутого во всех отношениях отца, родилась такая неумеха – я.

Иногда мама его укоряла, мол, поделился бы опытом с девочками, чтобы они тоже научились справляться с разного рода житейскими ситуациями.

- Меня же никто не учил, – в ответ возмущался отец, – берут и делают! По ходу всё поймут, не глупые.

Старшая сестра Варвара, в силу своей сообразительности и особенностей характера, действительно умудрялась сама усваивать какие-то свежие знания и навыки. А вот я с самого детства перед всем новым входила в ступор, плакала от своего бессилия и быстро опускала руки.

Из всех шести внуков и внучек бабушки-чувашки, только я при получении паспорта записалась этой национальностью (да была такая графа в основном документе гражданина Советского Союза). И так до конца не смогла ответить себе на вопрос – что оказалось основным мотивом в принятии данного решения? Захотелось выделиться или таким образом, я собиралась продолжить род отца, не имевшего сына, и через это заслужить частичку его любви?

По приезде отца, бабушка обычно бежала к соседям за двумя банками деревенских сливок, одну из которых как правило он увозил домой, а другой угощался прямо на месте.

- Аням (ребенок – по-чувашки) приехал! – говорила она заветную фразу, и соседи тут же давали ей сливки бесплатно. В другое же время их не всегда удавалось приобрести и за деньги. Держать корову могла себе позволить лишь большая семья, а значит – им самим позарез нужны были эти самые сливки.

Я почти не удивилась, что бабушка снова жива. Когда в прошлой моей жизни она умерла, я защищала диплом в универе, и на похороны не поехала. Может поэтому у меня сейчас было ощущение, будто мы с ней просто долго не виделись.

По-русски говорила бабушка плохо, периодически вплетая в речь чувашские слова, но при желании понять ее можно было. По крайней мере, бытовые вопросы (куда пойти? что сде-

лать?) решались без проблем. Я выучила несколько чувашских слов, отвечала «аван» на приветственное «аваны». Этого вполне хватало, чтобы в родной деревне отца слыть за свою. Если же в моем присутствии кто-то и говорил сплошь по-чувашски, я все равно понимала общий смысл сказанного. Потому что «телевизор» и «Валерий Леонтьев» в обоих языках звучало одинаково.

При чем здесь Валерий Леонтьев? Пожалуй, не проходило ни одного лета, чтобы бабушка не повторяла свою гениальную фразу, от которой мы с сестрой смеялись до коликов в животе: «Есть три великих чуваша – Чапаев, Ленин и Валерий Леонтьев».

Внешностью бабуля обладала запоминающейся, из серии «во сне увидишь – не проснешься». Прожив всю жизнь в деревне, она вряд ли знала о существовании дантистов. Понимая, что зубы не самая привлекательная ее сторона, бабушка часто интуитивно прикрывала рот рукой. Во рту у неё оставалось лишь несколько пожелтевших хаотично расположенных, причем под разными углами передних зубов. Поэтому хлеб она жевала только в виде мякиша. Ну а я за ней с удовольствием поедала оставшиеся столь любимые мною хлебные корочки.

Военные годы и многолетний непосильный труд оставили свой след не только на зубах, но и на неулыбчивом морщинистом, как высохшем яблоке, лице. А возраст опустил вниз края ее некогда полных губ, от чего лицо старой женщины выглядело как минимум недовольным, как максимум – свирепым.

Общий образ дополняла большая бородавка у носа и жидкие седые волосы, намотанные в хилую шишку на голове. Впрочем, волосы она прятала под платком, который почти никогда не снимала.

- Одиночка – это не жизнь, - часто жаловалась бабушка, тяжело вздыхая, - какой праздник или, к примеру, гулянка – тебя не зовут. Огород копать – одна. Крышу крыть – одна. Даже козу резать, нужно кого-то звать, бутылка готовить. Для самой себя и варить не охота, и кушать – аппетит нет.

В самом деле, ни одна деревенская женщина, особенно после войны, когда живых мужиков осталось всего ничего, не желала на гулянке рядом с собой видеть вдову, у которой в хозяйстве не хватало мужских рук. Кто знает, что у той на уме? Не уведет ли она мужика из семьи? Лучше не рисковать и в дом лишний раз ее не приглашать.

Даже помыться в бане бабулю особо никто не звал, теперь уже не ради женской конкуренции. Просто о ней не вспоминали. А своей бани у той отродясь не было. Разве только, когда я приезжала на лето меня в баню приглашали подружки, а уж я с собой брала мыться и бабушку. И тогда та бисером рассыпалась в благодарности хозяевам бани, а меня шпыняла, чтобы я сэкономила чужую воду, которую натаскали не мы.

- А что ты второй раз замуж-то не вышла? – время от времени интересовалась я.

- Эй, адым! Что я могу говорить. Сватались как-то с другой деревни. А кому нужна с тремя детьми? Жизнь прожила – счастья не видала, - и она, безнадежно махнув рукой, отворачивалась к окну, то ли высматривая там кого-то из соседей, то ли силясь припомнить хотя бы крупницы счастья в своей вдовой судьбе.

И теперь, нежданно оказавшись без мужа, я ее понимала гораздо лучше, чем когда-то в детстве.

Что на самом деле происходило с бабушкиным повторным сватовством, я за все эти годы так и не разобралась. Чуть ли не каждый раз она выдавала новую версию, либо старая обрастала неожиданными подробностями. От скуки ли бабуля сочиняла или с возрастом память начала ее подводить, но жених становился то молодым, то израненным на войне одноногим стариком, то вдовцом, а то ни раз не женатым и всю жизнь только о ней мечтавшим. И отказ ее звучал то категорично, то просто стрелки переводились на другую вдову, которая потом с успехом выходила замуж за несостоявшегося соискателя-воздыхателя.

Сухая и прямая, как палка, с натруженными жилистыми руками, тем не менее, за своей одеждой, бабушка тщательно следила. Если она приезжала к детям в город погостить, с собой брала целый чемодан платьев, кофт и разных платков-полушалков. Конечно, все они были безнадежно старомодны. Но, по крайней мере, цвет полушалка к платью бабушка подбирала искусно со всей скрупулезностью.

Иногда она пристально разглядывала себя молодую на фотокарточке, висевшей на стене в передней избе. А потом, долго смотрела на свое отражение в зеркале. Словно находила некое болезненное удовольствие, подмечать печальные перемены во внешнем облике. Потом, тяжело вздохнув, обреченно махала на зеркало рукой и продолжала жить дальше.

Что сказать относительно той бабушкиной фотографии с вполне узнаваемыми чертами над которой она рефлексировала? Разве только повторить за няней Пушкина: «Красивым никогда не был. Молодым был».

Пока бабушка бегала по соседям в поисках сливок, а отец очередной раз ремонтировал калитку, я сидела на лавке, прилаженной вдоль большой русской печки, занимавшей половину кухни, и блаженно болтала ногами. С самого раннего детства в голове у меня засела страшная фраза, которая полжизни не давала насладиться этой праздной забавой. И кто только придумал такой бред: «Не болтай ногами, а то твой папа умрет». Чего только люди не скажут, лишь бы подавить естественную детскую спонтанность.

Честно сказать, с мужем мы и не так развлекались. Могли и ногами болтать, и руками махать, а еще забравшись на небольшой пригорок, представить, что мы на Эвересте и во все горло орать нечто победоносно-окрылительное. Друг перед другом мы не стеснялись чудачить и выражать свои самые разные эмоции. Короче, вдвоем нам точно не было скучно. Как же больно всё это вспоминать сейчас! Как отчаянно мне не хватает Ивана!

В ожидании чая, я перебирала в уме варианты, чем можно заняться в деревне этим летом. Играть с подружками в детские игры однозначно не хотелось, как и ходить в клуб на танцы. Да и мелковата я пока была для клуба. Туда начинали пускать только после 8-го класса, а не малолеток после 5-го. Впрочем, городским в этом полагалась скидка. Ходи сколько влезет, если родители отпускают. Только сейчас меня волновали совсем иные проблемы. Требовалось разобраться в своих мыслях, чувствах. И вообще понять, куда двигаться дальше?

Утром следующего дня мне неожиданно дали выспаться. Вчера вместе с бабушкой мы собирались провожать папу на междугородний автобус. Но, похоже, меня пожалели и не стали рано будить.

Уже проснувшись, но, еще не открыв глаза, было необычайно отрадно вновь слышать из кухни стук механических ходиков, бабушкины шаркающие шаги и ее неуверенные покашливания. Из окна доносилось блеяние барашки, почему-то не выпущенной соседями в общее стадо, квохтанье их же кур. А где-то совсем далеко гоготали гуси. Приятно было вновь ощущать под собой прогибающуюся панцирную сетку железной кровати, а под головой полукаменные слежавшиеся за долгие годы подушки; чувствовать неподражаемый запах деревенского дома. В общем, смаковать ощущения, которые у меня навсегда связались с детством. Разве не это счастье?

- Настё-ён, Настягинь... - начала бабушка свой обычный утренний разговор, когда заметила, что внучка уже не спит, - все маленький, все большой уже встали...

- М-м-м! – мыкнула я, недовольная, что на каникулах не дают понежиться в кровати, и повернулась на другой бок, как можно плотнее зажмурился глаза.

- Папа уехал, - вздохнув, сообщила бабушка то, о чем я и так уже догадалась.

По опыту зная, что больше мне все равно не дадут спать, я нехотя сбросила с себя одеяло и начала одеваться.

- Раз, два, взяли! – последовали от бабушки хоть и одобрительные, но нервировавшие своей наигранностью слова. До меня, наконец, дошло, почему эта фраза из ее уст всегда меня

раздражала. Было в ней что-то искусственное и обманчивое, вроде как пустой пакет из под молока. Хочешь попить, берешь пакет, а там едва капля на доньшке. Мы с мужем старались поддерживать максимально открытые отношения, и теперь всякую фальшь в словах я чувствовала особо остро.

Войдя на кухню, я поинтересовалась.

- Бабуль, а сливки у нас еще остались?

- Есть сливка, есть. Целый банка! Там, в сених. У людей холодильник, то, сё... А у меня сени – лучше любой холодильник! И свет платить не нада.

В детстве отсутствие холодильника у бабушки я воспринимала как данность. Но теперь задумалась об этом. В самом деле, ведь прожил человек всю жизнь без холодильника, без стиральной машины, СВЧ, мультиварки. И ничего. Еще и хвалится этим. А у нас, если микроволновка или утюг сгорит, тут же бежим кредит оформлять, чтобы незамедлительно восполнить недостачу. И когда мы настолько погрязли в вещизме?

Старенький советский электрочайник призывно шумел, выпуская затейливые клубы пара. В отличие от привычного для меня «Тефаля» из прозрачного стекла, за ним требовалось следить, так как при закипании он автоматически не отключался.

Прямо над кухонным столом располагался многоярусный «красный угол» с иконой. Вернее, с сохранившимся фрагментом от нее, приклеенным к дощечке, обложенной фольгой. Другую или хотябы более целую просто негде было взять.

Лично я относительно икон пережила несколько этапов. В начале девяностых мы с мамой скупали все подряд. Сервант в моей комнате украсили лики многих известных святых и несколько икон Божией Матери. Время шло, и мне стало казаться, что чего-то не достаёт. Ну да – Христос! Где же Иисус Христос? Разумеется, Его изображение в моем домашнем иконостасе тоже присутствовало, да только среди других оно совсем терялось, казалось мелким, незначительным. Пришлось проводить инвентаризацию и реформацию, в результате чего в красном углу появилась одна большая софриновская икона Господа Пантократора (Вседержителя), деревянное распятие и Казанская икона Божией Матери (уж больно хотелось замуж, а на брак обычно благословляют именно этой иконой). Все же остальные образа я собрала и пожертвовала в тюрьмы.

Смачно намазав толстый слой сливок на деревенский хлеб, я исподтишка забавлялась реакцией бабушки на мое действие. Той сливок было явно жаль. Сама бабушка их никогда ложками не ела, а совсем по чуть-чуть клала для вкуса, будь то в чай или в отварную картошку. Видя такое беспечное расточительство со стороны внучки, старушка даже слегка потянулась к банке, чтобы защитить свое сокровище. Но, не решившись откровенно ограничить нерациональное использование продукта редким гостем, она отдернула руку так же неуверенно, как и потянула ее к банке. Чтобы неожиданный жест не выдал истинных ее намерений, бабуля провела рукой вдоль морщинистых уголков своих выцветших губ, словно именно для того ее и поднимала. В заключение, она привычно прикрыла рот рукой, как будто о чем-то задумалась и легонько покашляла.

Я не стала больше ее дразнить и повторно лезть к заветной банке. И так знала, что при следующей попытке бабушка все-таки на ломаном русском объяснит, что «сливка надо маненько экономить». Если же проигнорировать и этот «звоночек», то банка просто окажется в сених в сундуке под замком. Правда, и оттуда имелась возможность потихонечку перетаскать лакомство, не привлекая при этом бабушкиного внимания. До сих пор я помнила, где хранился ключ от заветного сундука. Также я знала, что, обнаружив утрату, бабуля не посмеет напрямую высказать своё недовольство, а только проворчит себе под нос.

В том, в своем детстве, я этим методом порой не брезговала. Даже не потому, что безумно хотелось сливок (в родительском доме я никогда не позволяла себе брать что-либо без спроса). А исключительно из духа противоречия. Бабушкино поведение каким-то неизъяснимым обра-

зом провоцировало меня к подобным проделкам. Не исключая, что не меня одну. Скорее всего, и папа с тетями в своем детстве вели себя аналогично.

Но теперь я понимала, что «просто взять потихонечку», говоря церковным языком, являлось тайноядением и воровством. А потому, независимо от бабушкиного провоцирующего поведения, я не собиралась грешить. Значит, сливки придется растягивать долго, смакуя каждую ложку.

По большому счету, особой работы для меня в деревне не имелось. Ну, перестираю все занавески и постельное белье, ждавшие этого целый год, вымою полы в избе, быстренько сварю картошку. А дальше-то что? Идти в огород собирать колорадских жуков? Не каждый же день туда ходить.

Из всей возможной скотины бабушка держала только козу с козленком, что обеспечивало ее молоком к чаю да пухом для шалей и носков, которые она вязала своим детям, внукам, а иногда и на продажу. Козу бабушка доила сама. Я как-то попыталась помочь ей разок-другой. Но это оказалось не так уж легко, да и вела себя коза беспокойно. Поэтому про карьеру доярки мне пришлось забыть.

В общее стадо бабушка выгоняла скотину рано утром. С меня же требовалось лишь находиться дома, когда стадо возвращалось, открыть козам калитку и позвать их: «Коть-котьяга!», что с чувашского можно перевести примерно как: «Коз-коз-коза!»

Если бы не козье молоко, бабушкина трапеза круглый год оставалась бы постной. Собственноручно испеченный хлеб, картошка, чеснок и зеленый лук с единственной грядки на задах и грузинский чай с сахаром-рафинадом, составляли обычный ее рацион.

Ни морковь, ни свеклу, ни даже царицу грядок – тыкву бабушка не выращивала. Огурцы появлялись на столе, только если кто-то из соседей делился щедрым урожаем, который некуда было девать.

Время от времени в продмаг завозили не только трехлитровые банки березового сока, куруево и сахар, но и свежемороженый минтай. То-то был праздник!

Мясо в деревне могла себе позволить лишь большая семья с холодильником, и то не чаще раза в день. Курник ели там, где собирались настолько дорогие гости, что ради них не жалко было курицы (если у кого она вообще была). Колбасой баловались, только когда кто-то ее привозил из города. Вот и весь провиант. Крупы в магазине продавались, но я не помню, чтобы хоть раз бабуля варила кашу.

Зная о такой скудости, обычно я привозила из дома полчемодана пакетных супов, киселей и всякого дефицитного для деревни и обычного для города (даже в застойные времена) провианта. Все какое-то разнообразие. Именно в деревне я привыкла довольствоваться малым, научилась кухарить, стирать, и много чему еще. На кухне в моем распоряжении имелась маленькая старая и покосившаяся электрическая плитка со спиральным нагревателем. Изысканных яств на ней невозможно было приготовить, однако неприхотливая бабушка радовалась любому блюду, лишь бы хоть немного отдохнуть от нудного ежедневного ритуала – готовки для самой себя. Она не только не критиковала мои кулинарные неудачи, но восторженно чествовала любую снедь. Дома же мама, из самых лучших побуждений никогда не хвалила, а лишь указывала на ошибки в домоводстве, что начисто отбивало всякое желание в следующий раз ей помогать.

Пока бабушка куда-то отлучилась, я уютно устроилась на маленьком, ниже коленей, сундуке, по совместительству – скамейке. Садиться или ложиться днем на застеленные кровати категорически запрещалось. Так что пирамиды подушек, увенчанные прекрасной тюлевой накидушкой, стояли весь день неприкасаемыми.

Сколько в далеком детстве я перечитала книг, сидя на этом сундучке, хранящем хозяйственное мыло и прочую бытовую химию! Главное его удобство заключалось в том, что располагался он прямо под окном. А потому здесь можно было не только следить за сюжетной

линией книг, но и параллельно контролировать всех мимо идущих редких прохожих. А потом полдня размышлять, зачем он прошел в эту, а не другую сторону? Может на сенокос? Тогда почему один и без косы? Может в лес за ягодами?

Иногда на мотоциклах проезжали деревенские парни и типа не обращали внимания на городскую девчонку, сидящую у окна. А я, в свою очередь, типа настолько углублялась в чтение, что было глубоко безразлично, кто это только что проехал мимо и даже бибикнул.

Подобное деревенское развлечение было покруче любого тетриса!

Теперь мне тоже требовалось обновить в памяти с десяток литературных произведений, заданных на каникулы. Не говоря уже о том, что до сих пор не окончен пятый класс. Еще хотелось найти попутчика для походов в лес по ягоды. И было бы вообще замечательно попасть на чей-то сенокос. Я любила сенокос. Родной бабушке совхоз не выделял для покоса лугов. Для ее козы на зиму требовалось совсем немного сена – одна копна. А потому она предпочитала его просто купить, чем думать, кто бы его скосил, да потом привез.

Но бывали случаи, когда кто-то из родственников метал стог. В это время помощь даже двух детских, не приученных к деревенской работе рук, оказывалась весьма кстати.

О! Как замечательно приехать всем скопом человек с десять-пятнадцать к скошенным накануне рядам травы, пахнущей земляникой и донником. Дети брали в руки грабли и айда ворошить эти ряды, пока взрослые докашивали оставшиеся луга. Жужжание мошек. Приставание слепней. Марево. Все тогда ощущалось как радость. Особенно неожиданная свежесть ветерка... Для детворы ветерок – очередная забава. А вот взрослые от такой перемены погоды направляли тревожные взгляды в сторону неба с опасением – как бы не начался дождь. Тогда весь труд оказался бы напрасен. Если дождь намочит неприкрытое сено, оно все сгниет.

Работа спорилась. Тем временем перевернутое и подсушенное с двух сторон сено, подrostки словно рулетом сворачивали граблями в небольшие гурты. Кто-то из взрослых цеплял их на вилы и нес в общую кучу. Один понес туда, другой... Глядь – уже и целая копна. Копне дождь не страшен. А там выросла и вторая копна. Все веселые, разгоряченные трудом немного уставали, но это не страшно. А там и обед. Потом еще часок работы и из копен вырастал огромный стог, потом еще... Красотища!

Скрипнула дверь и на пороге избы показалась бабушка. Ее лицо излучало радость, как показалось, опять немного наигранную.

- Настягинь, давай, как следует одевайся, наряжайся. На поминки идем.

Поминки в деревне – своего рода праздник, хоть и печальное, но событие. К тому же только там можно было от пуза наесться молочной рисовой каши, щедро сдобренной деревенским маслом, отведать ложкой киселя, сваренного так густо, что он скорее напоминал мармелад и, разумеется, насытиться пирогами. Самым большим везунчикам доставались шоколадные конфеты. Обычно их раздавали детям прямо в руки.

Стол в избе, куда мы с бабушкой пришли, ломился от еды. Даже имелись бутерброды с колбасой, подозрительно напоминавшей ту, которую мы с папой накануне привезли из города. А ведь я уже стала забывать привычку бабушки все тащить из дома. Как бы раньше мы не старалась облегчить бабушкин быт городскими подарками, будь то новая сковородка, новая удобная кружка с большой ручкой или продукты, в скором времени всё это неизменно оказывалось у кого-то из соседей.

Сперва, меня дико обижало такое отношение. Стараешься, везешь, а в результате гостинцами пользуется кто-то другой. Но потом я поняла, что это бабушкин способ выжить в деревенском социуме: сегодня ты отдашь, завтра – тебе помогут. А что можно дать другим, если себе ничего, кроме самых необходимых продуктов позволить не можешь? Только то, что тебе привезли. На пенсию в 60 рублей, выделенную государством после изнурительной работы в течение всей жизни, особо не пощикуешь.

Когда я сытая и довольная выбралась из-за стола, мне предложили две шоколадные конфетки. Я к ним с радостью потянулась...

- Скажи: «Упокой, Господи, Валентину», - последовало требование «дарителя» и я застыла с протянутой рукой.

Да, да! Я тут же вспомнила этот эпизод из детства и даже то, как тогда отреагировала на эту просьбу. Для сознательной пионерки произнести молитву, значило пойти против совести, предать советские принципы. Именно так я себе это в детстве представляла.

В прошлый раз я брезгливо отдернула руку от конфет, словно от отравы и больше не захотела к ним притрагиваться, пока взрослые не позволили взять сладости без всяких там дремучих условностей. Даже уже уверовав, я считала, что тогда поступила правильно. Потому что нельзя предавать свои идеалы, пусть даже ложные, ради плотского удовольствия. По крайней мере, так было честно. Но теперь, ни о каком предательстве не могло быть и речи...

- Помолиться за Валентину? – переспросила я. – Да, конечно. «Упокой Господи душу усопшей рабы Твоей Валентины. И прости ей грехи вольные и невольные. И сподоби ю Царствия Твоего Небесного. А нас помилуй и спаси, яко благ и человеколюбец».

Я еще смаковала, что правильно произнесла по-славянски «ю», а не «её», когда поняла, что неожиданно длинная и грамотная молитва возымела на окружающих какой-то странный эффект. В избе стало неестественно тихо. Играющие в углу дети растерянно озирались, не понимая, почему взрослые застыли точно статуи. Лицо родной бабушки перекошил небывалый страх. Та явно растерялась, не зная, как отреагировать на ситуацию. Из чьих-то рук выпала ложка и, звякнув об пол, отскочила под скамейку. Но вдруг разом все как-то одобрительно загомонили, зашумели, заерзали.

- Э-э-эй, аням! Молодец, аням!

- Сейчас дети больше взрослых знают!

- Мы ее учим как молиться, а она сама кого хочешь научит!

Я была уже не рада, что приоткрыла свою религиозную осведомленность, и размышляла, куда бы спрятаться от всеобщего внимания и возможных расспросов. На моё счастье уже в следующее мгновение общим интересом завладела Хризане (крестная мать – по-чувашки). Так ее звали только в нашей семье. Именно для нас (папы, меня и Варвары) она являлась крестной матерью. Папа не всю жизнь был закоренелым атеистом. Десятилетним мальчиком он лично попросил себя окрестить нежданно забредшего в их деревню батюшку. И на Рождество, вместе с другими детьми, с большим удовольствием ходил по деревне колядовать, собирая пироги и прочие лакомства.

Остальные жители деревни Хризане звали Хведось, что в церковно-славянском варианте означало имя Феодосия.

Хризане с сосредоточенным видом подошла к столу. В руках она держала узелок из цветастого полушалка средней величины. Как по команде женщины быстро расчистили место на столе, куда Хведось торжественно водрузила узел и стала медленно его развязывать. Любопытство выманило меня из угла. Мои робкие догадки сменились восторженным удивлением – в узле находилась книга. И не какая-нибудь, а Псалтирь на церковно-славянском языке!

Вот подлинное сокровище на фоне советской действительности 1985-го года!

Вокруг Хризане с открытой книгой собралась группка старушек, среди которых находилась и моя бабушка. И они начали петь обычные на поминках в их деревне молитвы.

Я вспомнила, как бабушка когда-то даже хвасталась, что деревенские старушки по временам собираются вместе для репетиций молитв. Не смотря на старческие нестройные голоса, на чрезвычайную затянутость мотива, мелодия была вполне узнаваема и слова звучали правильно. Вот четвертый глас «Царю Небесный», вот «Трисвятое», дальше запели какие-то молитвы на чувашском языке, что-то прочли из книги, опять запели...

Мне так хотелось подпеть и вывести своим чистым детским голосом их странный хор на более быстрый ритм. Но после сегодняшнего «представления» я уже не решалась больше выставляться. Только в душе подивилась, как сквозь столько лет безбожия в деревне все же сохранились крохи христианской веры? Почему у меня в памяти не остался эпизод с Псалтирью? И что такое они читали оттуда, если ни один псалом так и не прозвучал?

Домой с поминок бабушка и я шли ошарашенные, каждая своим.

- Откуда молитвы знаешь? – в самой мягкой интонации на какую только была способна поинтересовалась старушка.

- Да сейчас уж точно и не вспомню, - уклончиво ответила я, боявшаяся теперь взболтнуть что-нибудь лишнее.

- Только папе не говори, - опасливо попросила бабушка, больше всего на свете боясь, что сын-коммунист обвинит ее в религиозной пропаганде и запретит внукам приезжать в деревню. Для нее это значило остаться совсем одной.

- Разумеется, нет! – с жаром заверила я и, успокоенная таким утверждением, бабушка больше не переживала. Она и раньше не особо пряталась, когда утром и вечером по памяти читала самые распространенные молитвы. Теперь же делала это совсем открыто.

Из своего детства я помнила, что деревенская библиотека была необыкновенно богатой. Именно здесь я впервые прочитала «Трех мушкетеров», в то время, когда в городе это и другие произведения Дюма не представлялось возможности отыскать. Поэтому я не беспокоилась где взять литературу для выполнения плана по чтению на лето и учебники, по которым предстояло догонять ушедших на целую четверть вперед меня одноклассников.

В библиотеке, проходя вдоль книжных стеллажей, вместе с учебниками за пятый класс, стоял и учебник по алгебре за шестой. Автоматически взяв его с полки и немного полистав, неожиданно для себя увлеклась и поняла, что материал следующего учебного года не такой уж и сложный. Потом открыла учебники по русскому, литературе, истории... Я знала всё! А если чего и не вполне помнила, то достаточно быстро наверстывала. Мысли, опережая одна другую, бешено закрутились в голове. Насколько обязательно целый учебный год торчать в шестом классе? Ведь можно отучиться экстерном! То же самое касалось и остальных классов. За год, максимум – два закончить школу, поступить в авиационный... Стоп! Почему именно туда? Последнее посещение нашего с сестрой университета вызвало не самые радужные впечатления. Все нужно еще раз обдумать и тщательно взвесить. Если сперва я собиралась повторно пройти свой жизненный путь без изменений (зачем что-то ломать, если и так все устраивает?). То теперь первоначальный план начал трещать по швам.

К бабушке я возвращалась взбудораженная, неся с собой из библиотеки вместо художественной литературы из школьного списка, стопку учебников. Проходя мимо дома Хризане, увидела ее и, поздоровавшись, решила кое-что уточнить.

- Хризане, вчера на поминках я у вас книгу заприметила. Давно искала что-то подобное. Нельзя ли мне из неё кое-что переписать для себя?

- Я эту книгу никому не даю.

Хризане слыла женщиной образованной. Когда-то давно, на заре юности она закончила три класса церковно-приходской школы. В отличие от нашей бабушки, она умела читать, писать и говорила по-русски достаточно чисто. Именно вокруг Хризане в советские годы циркулировала вся духовная жизнь деревни. И теперь я знала – почему. У кого книга, тот и лидер.

С целью - донести до потомков обрядовую часть Православной веры Хризане справилась отлично. И я даже не обиделась, когда много лет спустя, мы приехали на годовщину смерти бабушки, а Хризане не пришла на поминки. То была Пасхальная седмица, день, в который поминки проводить не положено.

- Может тогда, разрешите переписать книгу, не вынося из вашего дома? – попыталась я найти компромисс.

- Да там же не по-русски.

Опять двадцать пять! Достали уже своими отмазками про славянский язык! Хотелось кричать в голос, рвать на себе волосы, чтобы люди наконец поняли – титулы над необычными сокращениями, буквенное обозначение цифр, наличие двойственного множественного числа, странные окончания и устаревшие слова совсем не повод мне отказывать в просимом. Но вслух я произнесла абсолютно спокойным уверенным голосом:

- Это не страшно, я свободно читаю на церковно-славянском.

В избе у Хризане всегда было чисто и уютно. Да и сама хозяйка представляла собой образец опрятности. Человеком она была по истине благочестивым. Именно благодаря ее инициативе мы с сестрой крестились в раннем детстве.

Когда отец после окончания МГУ, не смог найти квартиру в городе, куда попал по распределению, он привез семью к своей матери в деревню. И пока пару месяцев искал жилье, Хризане каким-то неведомым образом ухитрилась убедить бабушку, безумно боявшуюся своего ученого сына, втайне от всех окрестить внушек. Зато теперь при перемещении во времени передо мной не стояла дилемма, нужно ли повторно креститься. Ибо я веровала «во едино крещение».

Несмотря на свои восемьдесят лет, старушка если и не проворно, то, по крайней мере, без лишнего крѣхота взобралась на табурет. У меня тут же всплыло в памяти, с какими стенаниями в свои 45 я вскарабкивалась на стул, чтобы полить комнатные цветы.

Отодвинув в иконостасе одну из икон, Хризане достала вчерашнюю книгу.

Я трепетно открыла ее и прочла:

- «Москва. Синодальная типография. По благословению святейшего правительствующаго синода». Дореволюционное издание, значит.

К моему удивлению, псалмы начинались далеко не сразу. На первых страницах был написан какой-то «Символ святого Афанасия», потом его же вопросы-ответы о вере и богословии, изложение веры святого Максима и так далее. Сама Псалтирь шла с листа где-то двадцатого.

- «Разумно да будет, како подобает особь пети Псалтирь...», ну, наконец-то! - не сдержалась я, встретив знакомые слова предначинательных молитв перед псалмами, - а то я уже опасалась, что до главного не доберусь.

В общем, получила я от Хризане разрешение приходить и переписывать Псалтирь, когда только захочу.

Глава 6

Глава 6. Трое в ручье не считая собаки

Когда с охапкой книг, оттянувших руки до полного бесчувствия я, наконец, добралась до бабушкиного дома, и боком открыла скрипучую калитку, меня ждал сюрприз. Из зарослей травы за мной безотрывно наблюдала пара знакомых кошачьих глаз оливкового цвета на абсолютно белой пушистой морде.

- Льюис? – опешила я, узнавая нашего с Ваней кота. Я давно заметила, что кошки друг от друга отличались не только цветом и объемом пушистости, но и выражением морды, и разрезом глаз. Так вот, в густой траве я увидела родную, ни на чью не похожую мордашку, и те самые, единственные в своем роде глаза нашего любимого кота. Спешно сгрузив свою поклажу на покосившуюся завалинку, дрожащим голосом я обратилась к животному.

- Льюис, миленький... это действительно ты?.. Но как?!

Предположения, каким образом такое возможно одно фантастичней другого калейдоскопом замелькали в голове. Если я не знала, как сама очутилась в прошлом, то тем более показалось невероятным встретить здесь нашего домашнего питомца. Что же теперь делать? Забрать с собой в город? Ведь оставить здесь друга, прошедшего сквозь временные пласты, казалось просто невыносимым. Но родители... они же ни за что не согласятся приютить животное. В нашей квартире никакой живности отродясь не водилось, кроме разве что тараканов, извести которых так и не вышло. Кошек папа с мамой на дух не переносили. Но и оставлять здесь Льюиса я точно не собиралась. Это надо же, каков путешественник! Эдакий путь проделал! На тридцать лет назад вернулся, чтоб хозяйку отыскать. Да ты ж мой хороший котик! Трудновато, конечно, будет в автобусе его везти целый день. Ни переноски, ни даже подходящей коробки не имелось под рукой... А может и Ваня где-то здесь? Последняя мысль меня просто обожгла.

Вероятно, коту надоел мой оторопевший вид. Медленно моргнув, он лениво отвернулся и пошел в сторону сеней, открывая для обозрения серый бок и такого же цвета торчащий как палка, частично отсохший хвост.

Увы! Это был вовсе не наш абсолютно белый с пушистым хвостом Льюис (хоть по морде и не отличишь), а совсем другой кот. Даже среди людей встречаются двойники, что же говорить о котах. Я стояла ошарашенная, не в силах быстро переварить навалившиеся на меня переживания. Только что фонтанирующая планами на ближайшие каникулы, теперь осталась просто без сил. Так меня подкосила эта встреча.

Но были в данном эпизоде и положительные моменты. Кот, стало быть, принадлежал бабушке. А значит, хотя бы в деревне я имела полное право его тискать, чесать и всячески взаимодействовать. Конечно, это не Иван, к которому хотелось ныркнуть в подмышку и заурчать от удовольствия. И даже не настоящий Льюис. Но, как говорится, с драного кота хоть чуток ласки да можно отжать.

При всей заботе и родительской любви, обнимашки в нашей семье не практиковались. Вообще. А я после замужества распробовала их и что называется «подсела». В объятьях супруга я черпала внутренние силы.

Где болтался бабушкин кот-обормот несколько первых дней моего пребывания в деревне, оставалось загадкой. Бабуля за ним не следила, а только наливала в его миску молока, если тот приходил и путался под ногами. А на нет и суда нет.

Так как никто не озаботился наименовать кота, я назвала его привычно – Льюис с прибавкой как у королей: «Второй». А когда высохший хвост Льюиса Второго полностью отвалился, и он хоть немного стал смахивать на породистого, то английское имя в российской глубинке уже не звучало столь дико.

Прошла неделя. Я следовала жестко установленному распорядку дня и успехи меня радовали. В нескольких общих тетрадах листы были исписаны решением задач по алгебре и геометрии, сочинениями на разные темы, историческими датами, изложениями на английском языке.

Хуже всего шло дело с химией. Ну не нравился мне этот предмет ни тогда, ни теперь. Зато Псалмы я переписала практически полностью. И уже подумывала, не переписать ли на всякий пожарный и «Изложение о вере Анастасия патриарха великия Антиохи» и все прочие сопутствующие материалы, находящиеся в старинной книге, включая «Последование по исходе души от тела». Именно его, как оказалось, старушки читали на поминках. Ведь на ближайшие пять-семь лет – Псалтирь оставалась единственной доступной духовной литературой. Мало ли что и где придется цитировать?

– Настя... Настягинь, туши лампочка, - не без волнения попросила бабушка, когда длинный летний день закончился и, чтобы не тратить времени впустую, я включила в передней избе свет. - Сейчас кто-нибудь свет увидит. Придет, скажет: «Дай сюр-литр» – «бутылка» значит.

– Не придумывай! – огрызнулась я, обрывая вечные бабушкины придирики. При этом одной рукой я записывая очередное упражнение по алгебре, другой придерживала разомлевшего от почесывания кота. – Никто не позарится на твои пол литра водки. Сказала бы прямо, без уловок – надо экономить свет. Но поверь, ваши теперешние копеечные расценки за электроэнергию – это просто смех! Вот нам, в свое время, действительно придется расплачиваться по-полной.

Как все-таки меня раздражала бабушкина манера подменять в разговоре истинные причины выдуманными, причем какими-то нелепыми и непременно пугающими. Слова бабушки показались настолько бредовыми, что от игнорирования их, совесть ничуть не шевельнулась. Тем более, когда хотелось именно сегодня закончить начатый раздел.

Но едва я договорила свою фееричную фразу, как входная дверь неожиданно скрипнула, и на пороге показался какой-то незнакомый мужчина. Говорили они с бабушкой по-чувашски, но одно слово я хорошо разобрала: «сюр-литр».

С каменным выражением лица бабуля прошептала мимо меня по направлению к большому сундуку, стоящему в передней избе недалеко от моего стола. Со вздохом ключом открыла большой навесной замок и извлекла из недр сундука деревенскую валюту – бутылку водки. Когда непрощенный гость ушел, бабушка, со злостью демонстративно громко щелкнула выключателем и лампочка над моей головой погасла. Я больше не возражала. Уж слишком была напугана происшествием, чтобы дальше умничать, ссылаясь на свой богатый жизненный опыт. Как оказалось, не такой он у меня и полный.

Остаток лета я провела просто замечательно.

Началось все с сенокоса, вернее – с подружек.

В тот день я сидела на завалинке, получая «деревенский загар», когда солнце поджаривало не все тело, а только открытые от одежды части – руки по локоть, ноги ниже юбки, шею и лицо. Приятно обдувал свежий ветерок. Комары на солнце не докучали. Народу на улице – никого. В желудке счастливо переваривалась картошка, поджаренная на топленном масле. В общем – жизнь удалась. Я лениво пыталась угадать, в этом ли году меня пригласят на всю жизнь запомнившийся сенокос? Было бы здорово.

Вдалеке показались две сестренки и, по совместительству – мои подружки погодки Таня и Галя. В смысле, когда-то в детстве мы действительно дружили, я постоянно зависала на их территории. А так как без дела им родители не разрешали сидеть, то и я им активно помогала. Вместе мы и полы в их доме мыли, и воду таскали, и залезали в палисадник объедать черемуху, которая, кстати, у них была достаточно крупная. Но с черемухой – это исключительно детская забава. А еще в своем первом детстве я учила сестренку танцевать, рассказывала им сказки

и придумывала всякие игры. Но самое главное в их обществе я ощущала себя королевой... почти.

По негласному статусу в глазах общественности городская девчонка заведомо котиновалась гораздо выше деревенской. И если в городской школе я чувствовала себя серой незаметной мышкой, то здесь сверкала всеми возможными и невозможными талантами. Например, одевая к подружкам лучшее, что только у меня было, я картинно кривилась, мол, ношу в деревне обноски, а у самой дома три шкафа моднячих платьев и еще пара джинсов в придачу (которых в детстве у меня никогда не было).

Мне безоговорочно верили, и принимали неформальным лидером. Только много позже я поняла, что в детстве рвалась в деревню не ради чистого воздуха и здорового образа жизни, а исключительно для поддержания чувства собственной значимости. И кто знает, как сложилась бы жизнь, не будь в ней восхищенных взглядов деревенских девчонок с их безоговорочным приятием и уважением к моей, на самом деле, весьма скромной и малозначимой персоне.

Но в этом году все прежние развлечения перебила моя учеба, а главное – взрослому человеку оказалось совершенно не интересно общаться с подростками. Перекинувшись парой приветственных слов, я больше к ним не заходила.

- Куда это вы собрались? – исключительно ради вежливости поинтересовалась я, когда Таня, Галя, и их огромный пес Бобик поравнялись с нашей завалинкой.

- На сенокос, - пожали плечами сестренки, а собака дружелюбно завиляла хвостом.

- Везёт вам, девчонки! Эх, вот бы и мне туда! – мечтательно промурлыкала я, вспоминая счастье прежних дней.

- Так пошли с нами! Если, конечно, бабушка отпустит.

- Собственно говоря, а почему нет? – я окинула взглядом девчушек. В руках одной – черный от копоти чайник, у другой – грабли. Конечно, никто в этот раз нам молочную кашу не сварит, как я мечтала. Но лучше уж сходить на усеченный вариант сенокоса, чем грезить и ждать призрачного приглашения на памятное мероприятие. Ух, и нагуляюсь сейчас я на природе от души!

В последнее время мы с мужем много бродили по пролескам и вдоль полей, фоткали всякую живность. Один раз встретили ежика. Ваня даже взял его на руки и все восхищался какое чудо создал Бог. В другой раз увидели суслика, но издалека. И так здорово потом было пересматривать летние фотки на компе зимой.

Теперь я жутко тосковала по мужу, по общению с ним, но и широкого раздолья, дальних прогулок по лугам и лесам не хватало тоже. Казалось бы, выйди за деревню и гуляй. Но одна я опасалась, а дергать старенькую бабушку не хотелось. Поэтому предложение подружек, да еще под охраной огромного пса, восприняла как ответ Небес на мои сокровенные нужды.

Ребенком в лесах я особой красоты не замечала, как и в природе вообще. Только после сорока, и во многом благодаря мужу, начала по-настоящему любоваться Божьим творением. Родители научили меня смотреть под ноги и не пропускать опасности в виде открытых канализационных люков и предательских колдобин. Ваня же обратил мое внимание на то, какая красота нас окружает по сторонам. Теперь я замечала, как в утренней росе искрятся лучи солнца, каким образом пузатый шмель, обсыпанный пылью лапками, перебирает тычинки на цветках. Вместе мы внимали пению птиц и стрекоту кузнечиков. Заслышав пиликание сверчков, муж полувсерьез брался доказывать, что у этих удивительных насекомых есть маленькие скрипочки, по которым они водят смычками.

Предупредив бабушку, чтобы та меня не теряла и не волновалась, мы с девчонками и псом вышли из деревни. Сенокос подружек представлял собой недавно выкошенный, немного бугристый луг. Подсохшее за сутки сено лежало рядами и ждало, когда его соберут граблями в скирды. Этим мы с Таней по очереди и занялись. А Галя начала собирать палки для костра.

Что еще можно сказать по поводу сенокоса? Это вам не фитнес-клуб, посетители которого неторопливо переходят от снаряда к снаряду, и где в любой момент можно незаметно для окружающих схалтурить. В работе на лугу не пофилонишь. Здесь требовалась настоящая сила и сноровка. Естественно я довольно быстро выдохлась и больше следила за закипающим над костром чайником, чем орудовала граблями. А затем, руководствуясь советами сестричек, неумело запекала в золе картошку, загодя привезенную их родителями и схороненную чуть в стороне. Так что голодать нам не пришлось.

Сидя у потухшего костра, мы вдвоем наслаждались отдыхом. Над землей растекалось пропитанное луговым духом марево. Я легла на траву и замерла. Словно меня вообще здесь не было. Вокруг меня кипела жизнь, о которой секунду назад я даже не подозревала. Муравьишка тащил песчинку в три раза превосходящую его по размеру. Муха прожужжала над ухом и вдруг замолкала, присев на цветок, чтобы, немного проползая по нему, вновь взвиться в небо и уже исчезнуть навсегда. Поле, до этого воспринимаемое мной сплошным ковром, вдруг превратилось в сплетение мелких травинки и цветов, каждый из которых в отдельности представлял собой настоящий шедевр. Крошечные лепестки цветов переливались на солнце восхитительным бисером составляющих их клеточек, напоенных дождями.

- «Дивны дела Твои, Господи, вся премудростию сотворил еси», - не удержавшись, процитировала я 103-ий псалом.

- Что это? Считалочка такая? – удивленно вытаращилась Таня, очищая обжигающую руки печеную картошку.

- Не... это восхищение Творцом, Который создал такую неописуемую красоту. Когда я вглядываюсь в природу, кажется вот-вот откроется... не знаю... нечто глубинное, то, что даст мне ключ к пониманию всего. Вроде я и так немало знаю... умом. А тут чувства подключились что ли.

- Мне тоже в поле больше нравится, чем дома, - решила поддержать разговор Галя, - здесь свободно и родители над ухом не орут.

Похоже, подружки не обратили внимания на мое упоминание о Боге. И мне стало даже как-то обидно. В отличие от деревенских старух, с ними я не боялась говорить на такие опасные темы. Кто детям поверит, ежели что?

- Эх, девоньки, - продолжила я, сладко потягиваясь, - что-то запуталась я в жизни. Потеряла ориентиры. Это только у Маяковского всё четко и ясно - что хорошо, а что плохо. А у меня... не знаю, неразбериха какая-то в мыслях. То, во что когда-то свято верила, уже не кажется таким важным. Или... Нет. Не так... Я сама не пойму, что изменилось. Не горит уже огонь в душе. На все смотрю скептически. Вера в человека потеряна. И только близость с природой еще как-то подпитывает. Даже не представляю, как выбраться из этого тумана.

Ну, вот честно, не ожидала я от подруг какой-то помощи или дельного совета. Что могут дать девчонки 12-ти и 11-ти лет мне, человеку, умудренному жизнью, да еще с двумя высшими образованиями? Я просто хотела выговориться, облегчить душу, так сказать.

Но Галя, старшая из сестер, смущенно так улыбнулась (ведь понимала, что ей до городской девчонки, говорившей столь мудреными словами, почти как до королевы Англии), словно извиняясь за наличие собственного мнения, изрекла:

- Когда бабушка была жива, она нас учила, что если не знаем что делать, нужно стиснуть зубы и мысленно произнести: «Господи, вразуми. Господи, помоги».

- Только нужно долго повторять, - вклинилась с уточнениями младшая Татьяна, - пока не поможет. Я однажды домашку по русскому не сделала, так весь урок это твердила. Чуть все зубы не переломала, так ими скрипела.

- Занятная у вас бабушка, - задумчиво промурлыкала я, - только, причем здесь зубы?

- Не знаю.

- Вы хоть сами поняли, что вас молиться учили?

- Да не-е, это же не молитва... так просто.

- Хм... В самом деле? А если я скажу, что в чем-то ваша бабушка была права? Может, в последнее время я как раз таки слишком пренебрегала... но это не важно. Получается вы крещеные, раз бабушка вас в вере воспитывала?

- Нет. Какая еще вера? Так понемногу кто чего скажет, то и выполняем.

- Никакие мы не крещеные.

- Обрядоверие, значит, - задумчиво подытожила я спич подружек, - с магическим отношением к молитве.

- Чего?? – хором отозвались сестренки.

- Ну, вы вроде и молитесь Богу, однако ж в Него не верите. Хотите пользоваться Его дарами и покровительством, а волю Его исполнять не собираетесь. И даже когда на собственном опыте убедились в Его помощи, списываете успех на какой-то нелепый обряд. В вашем случае – стискивание зубов. Впрочем, насколько я понимаю, ваша бабушка про зубы образно выражалась, подразумевая, что нужно собрать волю в кулак и сосредоточиться. Да что я к вам с претензиями? У самой, как выясняется, прицелы сбиты. Вроде столько трудилась для церк... в общем, трудилась много, а молитва оказалась не в приоритете.

Домой мы следовали молча. Я погрузилась в свои думы. Подружки... кто их знает, почему они молчали? Может, переваривали мои последние слова? Или переосмысливали роль скрежета зубов в подаваемой свыше помощи? Один Бобик весело несясь перед нами, периодически отвлекаясь на придорожные кусты и радуясь, что не пришлось целый день сидеть на цепи.

Так и повелось. Теперь подружки каждый день, а я раза три в неделю с удовольствием чапали на сенокос. Я рассказывала им истории из Библии и жития святых, и день ото дня все больше там работала. Мне – зарядка, подругам – помощь.

Не удивительно, что достаточно быстро я так накачала мышцы, что запросто натаскивала домой бабушке воду хоть для стирки, хоть для бесконечных чаепитий. Здорово было после сенокоса идти босиком по мягкой теплой пыли проселочной дороги, не боясь, что в ногу вонзится какое-нибудь стекло или ржавый гвоздь. А потом разгоряченной попасть в прохладный лесок, с чистейшим родником и напиться настоящей ключевой воды. И там же съесть прихваченный из дома кусок хлеба, с горстью, набранной в скошенной траве земляники. Что может быть вкуснее (как и бабушка говорила).

Именно у ручья я однажды осознала, что меня больше не тревожат ни возрастная отдышка, ни высокое давление. Как-то вдруг дошло, что ни холециститом, ни панкреатитом в этом времени я пока не обзавелась. Да и мучавшие долгие годы последствия травмы... А ведь в этот раз я ногу тоже не вредила. Вот она нога. Все кости и связки целы. Хоть скачи по лугам, хоть танцуй до упаду.

А еще прекратилась упорная и надоедливая головная боль, сопровождавшая меня с первого дня, как я вновь очутилась в детстве. И я даже точно не помнила, когда все это прекратилось. Я просто жила и нигде у меня не тянуло, не торкало, не болело. Нигде!

Ручей успокаивающе журчал, перекачивая по камням свои прозрачные воды. Я кружкой зачерпнула из ручья, чтобы напиться, но вместо этого уставилась на свое отражение, колышущееся на поверхности воды. Удивленное девчачье лицо... почти девушка. На ровной коже не наблюдалось ни одной складочки. Внизу щек не было и намек на брыли, а глаза не окружала сетка мелких морщинок. Вот уж поистине «наливное яблочко». И на это я тоже только теперь обратила внимание.

Несколько мгновений я стояла ошарашенная. В голове никаких соображений или вопросов. Просто оказалась перед открывшейся истиной и пока не знала, как к ней отнестись. Затем сознание посетила совершенно новая мысль, некая робкая догадка. А может не все так плохо с моим перемещением? Может это не проклятье, а дар? Такой чудесный и необычный, единственный в своем роде, а потому бесценный.

Еще несколько секунд зависания...

И вдруг захотелось поблагодарить Бога прямо здесь и сейчас.

- Спасибо Тебе, Господи! – прошептала я одними губами. – Я все плакала и роптала, а нужно было...

Да, я до сих пор не понимала замысла Божьего, не говоря уже о том, что мне по-прежнему было катастрофически трудно принять эту новую реальность. И всё же я верила, что Господь каким-то непостижимым образом вернет утраченное, восполнит потери, и обратит всё происходящее к моему благу. А может и не только к моему.

И еще захотелось сделать что-то хорошее. И другим донести, как неповторимо прекрасна жизнь вместе с Богом.

- Девчонки, - обратилась я к подружкам, - вы точно не крещенные? Вас бабушка маленьких в бочку не макала? – Я знала, что в деревнях еще совсем недавно практиковали крещение мирянским чином. В отсутствии священноначалия данная практика в самом деле считалась вполне легитимной.

- Нет, но у нас есть крестные.

- Да, я уже в курсе, что крестных у вас назначают номинально, лишь бы породниться, причем без проведения таинства.

- Чего? – сестренки в очередной раз не поняли мой церковный сленг, поэтому я их поспешила успокоить.

- Да так... Это я о своем, о житейском. Ну, что? Тогда я вас спрошу на полном серьезе. За последние недели я уже много рассказала вам о Боге, об Иисусе Христе и христианстве. Достаточно, чтобы определиться хотите ли вы креститься или нет.

- Я хочу, - практически не задумываясь, отозвалась Галя.

- Я тоже. Только кто же нас крестит, священника же нет?

- Неправильный вопрос, - молвила я, с сомнением поглядывая на мелководный ручей, не позволяющий крестить полным погружением. – Когда евнух царицы Кандакии, был наставлен в веру, он спросил: «Вот вода. Что мешает мне креститься?». Вода у нас какая - никакая есть. А крестить вас буду я. Как христианка я имею для этого все необходимые полномочия. Вообще, любой христианин это может сделать, только не все об этом знают.

Мы втроем стояли по щиколотки в ледяной воде, игриво щекочущей кожу. Ступни быстро теряли чувствительность, и я понимала, что нужно ускориться. Еще не хватало что-нибудь застудить себе и подружкам. Бобик не решился последовать за нами и наблюдал за хозяйками, сидя на камне.

Я не хотела, чтобы девочки видели в этом действе лишь красивый ритуал или тем более что-то магическое. Поэтому перед таинством объяснила им простыми словами, что крещение – это перемена всей жизни, в центре которой отныне должен находиться Христос. Ну и, конечно, теперь нужно стараться поступать только по совести, помогать другим и избегать грехов, кои вкратце и перечислила перед тем как мы залезли в воду.

- Крещается раба Божия Татиана во имя Отца. Аминь. – вода из эмалированной кружки, которую я всегда носила на сенокос, полилась на голову подружки, обрызгивая подспудно и меня. Девочка взвизгнула, но даже не дернулась. Видно прочувствовала важность момента.

- И Сына. Аминь. – вторую порцию воды она приняла спокойней, только дрожь зубов выдавала насколько ей холодно. - И Святого Духа. Аминь.

Таня подняла склоненную головку, убирая прядь мокрых волос с лица. Передо мной стояла вроде бы та же самая Таня, но все-таки другая. Глаза светились радостью, уголки рта вздернулись от самой счастливой улыбки, какую только можно было представить.

Затем та же метаморфоза произошла и с Галиной. Я несколько раз становилась крестной, да и племянников крестили в моем присутствии. Но крестить лично еще никогда не приходилось, хоть я и знала, как это делать по правилам. И потому было в новинку лицеизреть,

как после крещения меняется человек, а не просто суется с полотенцем и распашонками вокруг крещаемого.

В тот день в деревню вошли трое мокрых, но абсолютно довольных человека и никогда не унывающий пес.

А дальше продолжились обычные деревенские будни.

Вечерами молодежь собиралась в клуб смотреть очередной фильм, чтобы потом остаться на танцы. Перед этим парни, надев наимоднячие брюки «бананы» и холщевые куртки-ветровки, ходили по улицам в обнимку с кассетным магнитофоном «Парус». Весил тот немного, всего килограмма четыре. Зажигательные хиты вдохновляли девчонок скорее заканчивать с дойкой и, принарядившись, отправляться следом. Хорошо, если накануне не было дождей. Тогда в клуб им можно было надеть туфли. В противном случае приходилось облачаться в кроссовки, а то и вовсе в резиновые сапоги. Только через двадцать лет деревенские улицы посыпали щебенкой, а до этого любой дождик беспощадно размывал дороги.

В это же время старушки собирались на лавочках перед домами, чтобы вспомнить, как в дни их юности парни ходили с гармошкой. Я улыбалась первым, призывно стрелявшими в мою сторону глазами, но с удовольствием оставалась на лавочке со вторыми, ловя последние лучи заходящего солнца и вдыхая неповторимый аромат, отдаваемый нагретой за день землёй.

А потом с бабушкой, взяв друг у друга очередное слово, что «никому-никому об этом не скажем» мы устраивали своеобразное «Всенощное бдение» с чтением Псалтири.

Чтобы не привлекать светом «потенциальных искателей сюр-литра», мы надевали теплые фуфайки и запирались в вечно холодных сенях, в которых отсутствовали предательские окна.

Конец нашей идиллии в начале августа положил папа, неожиданно приехав за мной.

Вечером втроем на кухне при включенной лампочке мы пили чай со сливками, которыми разжигалась бабушка у соседей. Ведь приехал адым! Никто из посторонних в нашу избу не ломился. Похоже, в округе все знали – в доме есть мужчина. Отец о чем-то разговаривал с бабушкой на чувашском, а я ломала голову, что же делать с Льюисом Вторым к которому так привыкла? Забрать ли его в город? И, если да, то каким образом? Похоже, кот чувствовал, что решается его судьба и на ночь никуда не убежал, а сидел на лавочке у печки.

- Что насупилась? – наконец, отец обратил внимание на мой кислый вид.

- Ничего, - трусливо буркнула я, и еще ниже опустила лицо к кружке с чаем. Обычно я предпочитала простую воду. Но сейчас действовала на автомате, налили – значит пей, положили на тарелку – ешь. Я знала наизусть два акафиста, несколько псалмов и несчетное количество молитв. Но сейчас в голове крутилась только молитва моих подружек: «Господи, вразуми. Господи, помоги». Весь последний вечер в деревне я молилась, пытаюсь понять, что же делать с Льюисом, который Второй. А когда, наконец, легла спать и подо мной заскрипели продавленная сетка кровати, поняла, что решать задачу придется прямо сейчас. Потому что утром настанет время активных действий, что окажется невозможным без уже принятого решения.

Итак, на поверку мы имели следующую арифметическую задачу.

Дано: один кот и трое взрослых, один из которых в глазах остальных – бесправный ребенок.

Вопрос: как забрать кота, если первый взрослый категорически против как тащить животное через весь регион, так и селить его в городскую квартиру? Второй – отчаянно хочет его взять себе, не смотря на мнение всех и вся. Третьей (бабушке) важен не столько кот, сколько чтобы все было тихо-мирно и она примет любое решение. А мнением кота вообще никто не озаботился поинтересоваться.

За окошком раздался женский смех. Затем послышались шаги нескольких человек, прошедших переговариваясь мимо наших окон. Похоже, молодежь возвращалась из клуба. Значит время где-то час-два ночи. Я заскрипела панцерной сеткой на кровати, переворачиваясь на другой бок.

Так, о чем это я? А, кот! Вообще-то кот не мой, а бабушкин. С какой стати я его заберу? Конечно, если бы это действительно был наш с Ваней Льюис, я без всяких сомнений отвоевала его в память о муже и как единственного в своем роде межвременного путешественника. Если кот как-то пробрался ко мне, то стоило бы разобраться в его методах, чтобы их повторить. Вдруг удастся сигануть обратно в 2015 год?

Я никогда раньше не прибегала к истерикам, чтобы вытребовать какую-то игрушку, одежду, или добиться разрешения чего либо еще. Но ради благородной цели не побрезговала бы и такими методами. Наотрез отказалась бы уезжать и плевать на все увещевания и уговоры. Все равно отцу сил не хватит волоком тащить меня на автобус, а я ведь и отбиваться могу. Вот только Льюис Второй совсем не путешественник во времени, а значит ничем не отличается от любого другого кота. Поэтому, какой смысл затевать разборки ради ни разу не моего Льюиса?

Наконец все встало на свои места. Уснула я успокоенная. А рано утром, упаковав, наваренное за лето варенье из лесных ягод, банку деревенских сливок и несколько исписанных общих тетрадей, мы были готовы выдвигаться на автобусную остановку.

Льюиса Второго нигде не было видно. Значит, ушел блохастик по-английски, не попрощавшись. И как бы я выглядела в глазах отца, подними я бучу ради кота, а его самого даже не смогла бы предъявить?

Бабушка, как всегда, вызвалась нас провожать. Папа практически не напрягаясь нес увесистую сумку со всеми вещами и гостинцами. По крайней мере, так это выглядело со стороны. Я же плелась вслед за ним с тяжелым сердцем. Кто знает, не в последний ли раз я провела здесь лето?

Похоже, день занимался жаркий, на небе не виднелось ни облачка. Но пока что холодный утренний туман покрывал давно проснувшуюся деревню, а блестящая на траве роса оказалась едва ли не изморозью. Не случайно жители, выгонявшие скот в общее стадо, кутались в теплогрейки да теплые платки.

В ожидании транспорта папа с бабушкой переговаривались по-чувашски, а я скучала без занятия. Серая автобусная остановка представляла из себя две стены из железобетонных плит, стоящие под углом друг к другу и покрытые сверху еще одной плитой. Это как-то могло защитить путника от дождя и ветра, но не давало ни йоты эстетического наслаждения. Впрочем, хорошо, что в это время еще не придумали граффити. Лучше лицезреть серые некрашенные плиты, чем яркие надписи сомнительного содержания.

Тут мой блуждающий взгляд остановился на одинокой сосне, росшей неподалеку. Чтобы скоротать время, подошла к ней поближе, разглядывая, как алые лучи рассвета отражаются на коре старого дерева. Вспомнилось, как муж показывал фотографию какого-то летнего пейзажа и предлагал угадать, какое время суток запечатлено на фото – утро или вечер. Теперь глядя на сосну, я безошибочно определила бы утро, но так и не понимала почему?

Я провела рукой по стволу дерева, и будто впервые в жизни его увидела. Это же настоящее чудо! Дерево как мифический дракон было одето во множество слоев изящных чешуек разных оттенков. Светло коричневые, оранжевые с бронзовым отливом, каштановые, охристые, дымчато-серые. Какие-то толще и прочней, иные - нежные, полупрозрачные точно бере-ста. Как мне в городе будет всего этого не хватать!

Увлеченная сосной, я не сразу заметила, что к остановке подошла тетя Лена (бабушкина соседка). И только сейчас вспомнила, что та собиралась съездить в райцентр. В деревне ее по-свойски звали Елюк. Со сладкой улыбкой на устах и сахарным голосом, она обратилась к моему отцу, с явным намерением польстить:

- Ах, Андрей, какую хорошую ты дочку воспитал! Какой адым получился! И работающая, и молится лучше всех!

Лицо бабули, тут же вытянулось от страха, как когда-то на поминках. А у меня сердце окаменело. Еще до отца не успел дойти смысл сказанного, как я спокойным голосом, нереально контрастирующим с ужасом, царящем внутри, произнесла:

- Что ли съесть на поминках конфетку вы называете молитвой? А работала я куда меньше любой деревенской девчонки. Кстати, вы случайно не видели на афише, какой фильм сегодня будут крутить в клубе?

- Нет, откуда? - Отозвалась Елюк, переключая внимание на меня, - афишу ведь только в обед вывешивают. Вот вернусь обратно – узнаю.

Разумеется, я это знала. Просто попыталась, насколько могла незаметно, замять нежелательный разговор. Поняв, что опасная тема не развивается, бабушка пару раз едва слышно нервно кашлянула и успокоилась.

Натужно фырча вдалеке показался желтый «пазик». А когда он остановился рядом и, натужно скрипя открыл свою дверь, мы с папой быстро чмокнули тут же заплакавшую бабушку и зашли внутрь.

Так мне и не удалось узнать, что имела в виду соседка? В автобусе мы сели в разных концах и на ближайшей остановке она уже сошла. То ли Елюк действительно говорила о случае на поминках, то ли подружки растрезвонили о совместных делах на сенокосе, а может бабушка «по секрету всему свету» поведала о нашем вечернем чтении Псалтири? И ее я, в принципе, понимала. Трудно удержаться и не похвалиться, какой у нее замечательный адым!

Глава 7

Глава 7. Второй раз в седьмой класс

Оказывается, вовсе не случайно отец приехал в деревню слишком рано. Уже в понедельник меня повели на повторную томографию головы. В этот раз я примерно представляла, чего можно ожидать в этом закрытом от простых смертных учреждении и уже не паниковала.

Никаких новых проблем, как я и предполагала, больше не выявили. Конечно, на снимке по-прежнему отображался мозг взрослого человека, но без каких бы то ни было патологий или тревожных симптомов. Все в нашей семье облегченно вздохнули.

От каникул остался огрызок. Но даже в эти несколько дней перед сентябрем отдых для меня не предвиделся. Впереди ждал экзамен, или что там собираются предпринять учителя, дабы не оставить вечно болящую девочку в пятом классе на второй год?

Идти по пустым школьным коридорам было странно. С годами все плохое забылось, а хорошее ностальгией сжимало сердце. Вспомнился последний звонок и слезы навернулись сами собой.

Не уверенная, что внутри кабинета кто-то есть, на всякий случай я постучала в дверь. Услышав приглушенное «войдите», я переступила порог своего класса. Классная руководительница находилась на месте. Похоже, отпуск у нее тоже закончился.

- А, Настя, - улыбнулась мне учительница, - пришла сдать пропущенные по болезни предметы?

Я не представляла с чего начать и как вообще говорить о том, что так меня занимало последний месяц. И, как всегда, чтобы не сбиться и не успеть испугаться своей смелости, я затараторила.

- Понимаете, Диана Муртазовна, я все лето усиленно занималась. И это было нелегко. В смысле и не совсем трудно. Короче, я изучила весь курс следующего 6-го класса. Вот! И теперь я бы хотела узнать, что нужно сделать или сдать, чтобы первого сентября мне пойти не в шестой, а в седьмой класс?

Я уже немного привыкла, что в разговоре со мной глаза у людей расширялись, словно пытались охватить неожиданно свалившуюся, не вмещающуюся в их сознание информацию. Но уже через пару мгновений взгляд собеседника становился осмысленным, ибо он приходил к выводу, что его просто напросто разыгрывают. Вот и сейчас с классной руководительницей происходила подобная метаморфоза чувств.

Чтобы поскорее покончить с неприятным моментом, я вывалила перед классной стопку исписанных тетрадей. Не терпелось переложить на чьи-то плечи тяжесть моего решения.

- Посмотрите. Здесь все. Я, правда, не знаю, как это обычно делается. Просто брала задания из учебников и выполняла их. Прочла все художественные книги, положенные в шестом классе. Написала по ним сочинения. Темы мне подсказала деревенская учительница. Не знаю, может в городе задают совсем другие темы? Но я посчитала это не критичным. Еще я заучивала всякие там исторические даты. А может, стоило написать рефераты по истории, по географии? Но ведь перед учебным годом время еще осталось. Если что не так, я успею все наверстать.

Диана Муртазовна внимательно пролистывала исписанные листы. А я продолжала комментировать:

- Только не знаю, как поступить с уроками труда. Я сшила два школьных фартука. Можно их зачесть как изучение материала? Если для оценки по труду нужно что-то пострепать или сварить, это я запросто. Все лето у бабушки кашеварила. Она не жаловалась. Да что там, - была в восторге.

На очередной исписанной тетради Диана Муртазовна словно запнулась. Это были мои упражнения по английскому языку. Она подняла на меня свои добрые ошеломленные глаза, и я сжалась словно перед ударом, который в следующее мгновение предназначался не ей, а мне. Кому-кому, а своей классной руководительнице причинять боль не хотелось. За всю жизнь я мало встречала настолько светлых и порядочных людей, как она. Но, преодолевая страх и неловкость, все же произнесла:

- Да, Диана Муртазовна. Я бы хотела изучать не немецкий, а английский язык. Сами посудите, наступает век программирования. В компьютерах всё на английском. На любой работе в первую очередь инглиш требуется. Кому я с вашим дойтч-пакетом сдалась?... Ой! Простите... - пробурчала я последнюю фразу, совсем понизив голос, и потупила взгляд.

Для классной руководительницы – учительницы немецкого языка, наверное, было жутко неприятно услышать подобные слова от своей ученицы. Разве она не вкладывала в нас всю душу? Театральные постановки на немецком разве не устраивала каждую четверть? Я через всю жизнь пронесла фразу бабушки из сценки о Красной Шапочке, которую как-то привелось сыграть. Кстати, только эти слова из всего немецкого и помнила.

А кто достал адреса друзей-сверстников из ГДР, чтобы ребята могли им писать письма? Кто помогал исправлять ошибки в коряво составленных посланиях советских школьников, предлагавших немецким мальчикам и девочкам дружбу в обмен на жвачку и иностранные наклейки? Разве не о ее занятиях представители очередной комиссии РАНО воскликнули: «Не урок, а сказка!».

Но по своей доброте Диана Муртазовна «проглотила» моё ошеломляющее заявление. Ведь главное в учебе, чтобы дети получали пользу, и не страшно если их выбор не согласуется с учительским.

- Что твои родители думают по этому поводу? – только и спросила она.

Я замялась.

- Конечно, сперва наперво логично было бы их посвятить в свои планы, - я опустила глаза, - но... как бы выразиться подемократичнее? Может, вы слышали такую... э-э-э... поговорку – «нет пророка без чести, разве только в отечестве своем». Мне кажется, что родители пока не до конца в меня верят. Если честно, я и сама в себя почти не верю. Потому и хочу заручиться авторитетной поддержкой на стороне. И только после этого пытаться достучаться до них.

- Ну и задала ты нам задачку, Настя, - не то удивленно, ни то восхищенно выдохнула учительница. - Хорошо. Оставляй свои тетрадки и приходи через два... нет, через три дня. Мы с коллегами все обсудим и скажем, что делать дальше.

- Фартуки приносить?

- Какие еще фартуки?

- Те, что сшила для зачета по урокам труда.

- Не знаю. А вообще – приноси. Лишним не будет.

Я навсегда запомнила реакцию родителей, когда через неделю сообщила, что их вызывают в школу по поводу моего перевода из пятого, сразу в седьмой класс. По опыту я знала – маме лучше предварительно предложить сесть. Иначе бы та точно рухнула от неожиданности. Сказать, что она удивилась – ничего не сказать.

Отец тоже поначалу опешил, но быстро пришёл в себя.

- Ну, что на это можно сказать? Молодец, - изрек он. По выражению папиного лица можно было догадаться, что в голове он поставил некую галочку. Мол, «с моими дочерьми и не могло быть иначе. Яблочко от яблони...»

Я не помнила, чтобы в детстве родители хоть раз меня похвалили. Если рисунок, поделку, или что-либо ещё, папа оценивал на три с плюсом, значит, это было по-настоящему шедеврально. А если на четыре... Нет, такой оценки от отца я просто не получала. А от матери... Лишь когда я стала уже совсем взрослой, мы с мамой по-настоящему сблизились

и открылись друг другу. Ну а пока она боялась испортить дочерей и не позволяла себе даже малейшего одобрения или комплимента в наш адрес. На родительских собраниях учителя говорили о нас с сестрой много хорошего, но мама и чужую похвалу скрывала.

Услышав из уст папы скупые слова похвалы, я как будто прибавила в росте. Осанка выпрямилась. С лица целый день не сходила придурковатая улыбка. Даже дышать стало как-то легче. словно, наконец, во мне открыли тайный клапан со свежим воздухом. А еще я вдруг каждой клеточкой ощутила, почему старшая сестра училась на отлично, и была готова свернуть горы, лишь бы выцедить родительское одобрение.

Помнится, о чем-то подобном я мельком читала в Интернете. Кажется, это называется «синдром отличника», когда человек стремится слыть хорошим для всех, везде быть первым во что бы то ни стало. Но о Варе я как-то даже не думала в этой связи. Однако это же просто её портрет с натуры.

Размышляя о сестре, я поняла, что сама не потяну ношу «отличницы» с идеальным выполнением заданий, соответствующим данному статусу. Такие подвиги мне не под силу. Внутри зрел протест: «Нет! Я не смогу так! Да и не хочу! И что вы вообще пристали к больному человеку!». И тут я осеклась. Я настолько привыкла прятаться за свои немощи, что даже будучи относительно здоровой, находила плюсы в болезнях. Что со мной не так? А может, мои бесконечные недуги тоже как-то связаны с родительским вниманием? Или с его отсутствием? В этом следовало бы основательно разобраться... но не сейчас.

Пока же назревали более насущные проблемы. Школьные годы... чудесные. М-дя.

Первого сентября на школьной линейке я переминалась с букетом хризантем в руках, купленным накануне у какой-то бабушки, и ощущала себя так же несуразно, как ледяной айсберг, случайно закинутый в горячие воды Карибского моря.

Великолепный белый гипюровый фартук и новые атласные воротнички, обшитые кружевной тесьмой, скрывали всю убогость и затасканность моей школьной формы. В стране тотального дефицита и нехватки денег, я, как и когда-то моя сестра, носила самые дешевые и задрипанные форменные платья. Другой причиной вечно некрасивых платьев были... кхм... мои габариты. Платья мне покупали прямые и широкие, дабы, если опять прибавлю в весе, не пришлось посреди учебного года покупать новую форму. О приталенных моделях мечтать не приходилось, ибо где она у меня эта загадочная талия?

Ученики родного 6 «в» стояли напротив и с недоумением поглядывали на меня, находящуюся почему то не с ними. Я помнила, какими взрослыми юношами и девушками они выглядели на выпускном. Потом, много лет спустя встречала некоторых из них, кого-то состоявшимися, кого-то спившимися. Теперь же я жалась к учительнице с табличкой 7 «А». И не имела понятия, что за люди меня окружают. Новых одноклассников я не знала, так как в детстве на старшеклассников смотрела как на небожителей. И, естественно, не интересовалась судьбами столь недоступных личностей.

Теперь же я воспринимала всех их малолетками, то есть совершенно мне неинтересными. А еще надеялась, что знакомство с ними будет коротким. И я найду-таки способ поскорее вернуться в объятия любимого Ванечки.

После линейки 7 «А» вошел в светлый класс, который почему-то мне теперь не показался просторным, как в детстве. Глядя, как остальные дети занимают свои места, я стушевалась, не зная куда приткнуться. Первую парту никто не занял. Я бочком пробралась к ней и неуверенно присела на край стула, готовая соскочить по первому требованию законного правообладателя.

Чтобы особо не выделяться, я следила за поведением остальных. Вот дети на свои парты расстелили клеенки. И я мысленно отметила, что не взяла ее. Забыла. За столько лет из головы просто вылетело, каким образом мы некогда оберегали школьное имущество. Учительница громко поздоровалась, все присутствующие поднялись с мест. Я также последовала всеобщему

примеру с небольшим опозданием. Одно дело самой входить в аудиторию для преподавания, и другое – вот это вот всё.

И что за нелепый обычай - представлять классу нового ученика? Кто это, вообще, придумал. Послать бы к этому умнику Терминатора в прошлое! Я бы предпочла раствориться в воздухе и осесть на школьных шкафах едва заметной пылью, чем стоять перед тридцатью парами устремленных на меня любопытно-настороженных глаз.

Между тем классная руководительница в ярких красках расписала, что вот, мол, Анастасия Игнатьева освоила материал целого года всего за три месяца каникул. И теперь от такой хорошей девочки и в дальнейшем все ждут отличной успеваемости.

Так начались школьные будни.

При всей любви к тишине я достаточно быстро привыкла к сумасшедшему гвалту в школьных коридорах и раздевалке, когда звонок ревом возвещал о долгожданном конце занятий. И уже не напрягал контроль дежурных с красными повязками на рукаве, проверяющих наличие сменной обуви, без которой ни один ученик не мог просочиться к учебным классам. Тем более, после того, как наш класс сам отдежурил неделю. И теперь уже мне с одноклассниками приходилось шпынять юрких малолеток, норовящих прошмыгнуть в школу в грязных сапогах без всякого намека, чем бы их заменить.

Учиться оказалось не столько сложно, сколько скучно. А еще раздражала необходимость подписывать тетрадки, что я ученица какого-то там «7-го «А» класса», когда у меня два высших образования.

Чувствовала я себя в школе неуютно. Старалась лишний раз не высовываться, избегать разговоров, хотя бы потому, что уже не помнила, каким сленгом пользуются мои нынешние сверстники, над какими шутками смеются. Говорила только на уроке, если вызовут к доске. Перемены проводила, уткнувшись в книгу или учебник. А после постылых уроков бегом мчалась домой, вспоминать, как возводить в квадрат суммы двух выражений, а также зубрить состав и классификацию оксидов.

По инерции я продолжала проходить материал с большим опережением, чтобы в две четверти закончить этот класс, и весной сдавать экзамены с восьмиклассниками. А там, либо сказать школе: «Гудбай!» и определиться в какой-нибудь техникум, либо в следующий год закончить десятилетку. Поэтому сблизиться с кем-то из одноклассников считала излишним.

В детстве я со своими сверстниками с трудом, но все же находила общий язык. Но стоило только немного подрасти, и я вдруг обнаружила, что вообще разучилась общаться с маленькими детьми и подростками. Даже то, что подростки опять стали сверстниками, никак не исправило ситуации.

Утешало лишь осознание, что правильно поступила, перешагнув через год. В этом классе меня никто толком не знал. А потому в глаза не бросалась разница в поведении. Да и учителя не удивлялись, если время от времени «вундеркинд» выдавал на уроках не по возрасту глубокие, мудрые суждения.

Но одно непримечательное событие совершенно перевернуло четко выверенные планы.

Как-то на перемене в школьной столовой две одноклассницы приветливо замахали мне руками, приглашая сесть за их стол. Они мило улыбались, и хотя Зулю с Софой я недолюбливала за их скандальные выходки и колкие насмешки, все же решила к ним подойти.

- Настя, а Настя, вот скажи - ты нос задираешь, потому что самая умная? – елевым голосом спросила Софа и невинно захлопала ресницами, словно обсуждала прогноз погоды, а не выдавала очередную гадость.

Мои уши тут же вспыхнули, словно по ним черкнули спичкой. Хотелось в ответ тоже выдать что-нибудь едкое, но выдержка, выработанная годами церковной жизни, помогла справиться с эмоциями. Я привычно подавила в себе гнев, готовый полыхнуть наружу. Всегда так поступала, объясняя это библейским «Не мстите за себя, но дайте место гневу

Божию» (Рим.12:19) и мирским «зачем мारаться о чужую грязь?». Короче, не реагировала внешне на грубость. И конфликт, так или иначе, затухал сам собой.

Вот и сейчас я промолчала, но девчонки приняли это за слабость и продолжили издеваться.

- А что ей еще остается, когда ни лицом, ни фигурой не вышла. Не удивлюсь если лифчик у неё нулевой – поддержала подругу Зуля.

- Ты что, нельзя такое говорить? – якобы вступилась за меня Софа, но тут же хлестанула. – У этой салаги его вообще нет.

И девчонки рассмеялись. Нет, они заржали, захлебываясь слюной от своей оригинальности.

Недоумение и обида сдавили мне горло. За что они так со мной? И ответной волной возникло желание размазать остаток кем-то недоеденной манной каши по их хамским рожам.

Ненавижу в людях наглость! Наверное, потому, что перед ней я теряюсь и придурковато моргаю, не представляя, как дальше себя вести. А потом извожусь мыслями, и по много раз прокручиваю в голове случившееся, - как следовало ответить грубияну, чтобы так поставить его на место, так...

Только в данной ситуации разница в «весовых категориях» оказалась уж слишком большой, причем с явным перевесом в мою пользу. И потому я не из гнева, не из обиды, а из какого-то внутреннего опыта и силы спокойно с расстановкой произнесла:

- А вы что, терновник, что цепляетесь ко мне? Делать больше нечего? – подспудно в мозгах пронеслось, - Зачем «терновник», почему «терновник»? Лучше бы сказать «репейник». Вот же начиталась житий на свою голову, теперь устаревшими словами выражаюсь. С молодежью это, конечно, самое то...

- Ого! Голос прорезался, - удивленно переглянулись девчонки, прежде чем опять залиться смехом. Не известно, чем бы окончилась наша перепалка, но в столовую вошел восьмиклассник. Зуля ткнула локтем Софу, что-то быстро шепча ей на ушко. Та многозначительно закивала, не переставая смотреть в сторону восьмиклассника, мгновенно захватившего их внимание.

Я же, решив не продолжать конфликт, отошла в сторону со смешанными чувствами. С одной стороны, меня переполняло ликование: «Клево я их срезала!». И даже не терзал факт, что сказанная фраза получилась достаточно банальной и далекой от изыска. И почему-то привычное «любите врагов ваших» практически не будоражило совесть.

В то же самое время всё больше росло беспокойство, - неужели у меня даже в этот раз не заладится общение с подростками? Как-то вдруг разонравилось ощущать себя забитой и стеснительной девочкой, каковой я всегда была в школьные годы. Захотелось переформатировать поведение в соответствии с наработанными за жизнь установками.

На следующий же день я запаслась горстью карамелек и когда на перемене мимо проходила первая попавшаяся одноклассница, просто протянула одну из конфет в светло желтом фантике:

- Привет! Будешь конфетку? - ну а что еще сказать? Не про «нофелет» же спрашивать, в самом деле.

Та на мгновение задумалась и взяла. Вот честно! Даже «спасибо» сказала.

- Вообще-то я шоколадные предпочитаю, - затараторила я по принципу «что первое взбрело в голову, то и озвучила», - тем более что в Союзе их делают по ГОСТу с соблюдением всех технологий и норм. Но дома сейчас только такие. По крайней мере, у этой карамели начинка из помадки, а не из повидла. Не люблю повидло в конфетах. Бе-е! А тебе какие конфеты больше нравятся?

Слово за слово, и потихоньку я узнала, что у Леры отец военный. Что они часто переезжают. И Лера в этом классе такая же новенькая, как и я. Только пришла не в начале этого учеб-

ного года, а в самом конце прошлого. Поэтому ничтоже сумняшеся, я предложила ей перебраться ко мне на переднюю парту. Что девочка тут же и исполнила, вроде даже с удовольствием.

Я сидела за одной партой с новой соседкой в слегка обалдевшем состоянии. Всего-то заговорила с человеком, а оказалось, сколько общего у нас. И кстати, меня при этом не покусали, земля под ногами не разверзлась и конец света тоже не начался. Даже, напротив, в душе зародилось удовлетворение, как после хорошо сделанной работы. А бонусом шли хорошие отношения с человеком. Гораздо приятнее, когда тебя окружают не безликие массы, а люди с которыми налажены нормальные взаимоотношения.

Постепенно я начала входить во вкус нового стиля общения. У кого-то похвалила под черк, кому-то показала, как правильно заплетать французскую косу, еще незнакомую школьникам в данном временном отрезке, а потому выглядевшую просто невероятно.

Просто ставила перед собой задачу поговорить за день как минимум с тремя людьми и выполняла ее как домашку по геометрии или черчению. Помнится, в передачах на ютубе некоторые миссионеры, чтобы не потерять духовную форму, советовали рассказать Евангелие одному человеку в месяц, в неделю, за день...

И хотя своих одноклассников я не грузила религией, но даже простое общение что-то незримо меняло и внутри меня и снаружи.

Теперь, если я пропускала, что задали на дом, то нарочно уточняла это не у учительницы, как делала до того, а затыкала внутренний вопежь своей интровертной сущности, и спрашивала у одноклассников, даже если за это мне светило схлопотать окрик учительницы или даже запись в дневнике. Замечание через неделю забудется, а отношения с людьми останутся.

Но больше всего я боялась контактировать с мальчиками. Собственно в жизни с мужчинами я всегда старалась держать как можно большую дистанцию. Это Варвара с полуоборота заводила знакомства с представителями противоположного пола и без обиняков могла поддерживать разговор хоть с сопливыми пацанами, хоть с мужиками любых должностей и рангов. Ну а я даже в общественном транспорте предпочитала сесть рядом с женщиной, либо всю дорогу стоять, если свободные места оказывались исключительно подле мужчин.

После нескольких не вполне удачных попыток наладить общение с мужской частью класса, я напала на золотую жилу во взаимодействии с ними.

На перемене после урока литературы у меня было выполнено всего два запланированных общения. Устроить третье теперь уже не считала проблемой. Поправить у одноклассницы сбившуюся лямку фартука, вспомнить вчерашний фильм, а уж выполнение уроков и домашних вообще бездонный кладезь тем для обсуждения. Но сегодня я собиралась взять очередную высоту – мальчишки... чтоб их всех... Бог благословил.

Вспомнив, насколько все друзья мужа озабочены автомобилями, я просто поинтересовалась у Айдара, что, по его мнению, круче «Жигули» или «Москвич»? И все! Вокруг тут же разгорелась дискуссия. Одни ратовали за «Жигули», другие за «Москвич». У меня даже не поинтересовались, с какого перепугу я задала такой вопрос. Хоть я и подстраховалась на этот счет и в любой момент собиралась прикрыться желанием расширить кругозор. Ведь интересуюсь я шитьем, а чем машины хуже?

Были и такие, кто предпочитал «Волгу», у которой подкрылки что-то там... Я особо не вслушивалась, а просто подбрасывала в беседу дровишки в виде очередного вопроса «что такое эти самые подкрылки и почему они так важны?». Надо мной беззлобно смеялись, но вполне доходчиво объясняли. Оказалось, что и «машины» не такая уж тухлая тема, и годится не только для наведения мостов. Если хорошенько вдуматься, то даже карбюратор – это вещь дельная и интересная, если сам им пользуешься.

Я даже удивилась, насколько меня это увлекло. То, что начиналось как эксперимент по внедрении в массы сверстников, с каждым днем все больше наполняло радостью.

Зуля и Софа по-прежнему отравляли мое существование обидными придирками. Хотя периодически они и получали отпор, но это было неизменной ложкой дегтя. Зато в остальном в школе я все больше встречала положительное или как мне казалось, полезное даже в самых неожиданных событиях.

Как-то на уроке географии я получила бредовую записку, написанную видимо для прикола. Развернув клочок бумаги, сложенный вчетверо, прочла: «Самолетом или поездом?»

Я обернулась, но по поведению одноклассников не смогла определить, кто инициировал переписку. Неровные каракули и криво оборванная бумажка выдавали в авторе мальчишку. Никаких иных подробностей установить не смогла. Сколько бы при этом не корчила из себя Шерлока Холмса, реальность оказалась такова – метод дедукции знаком мне был лишь понаслышке.

«Если найдешь ее, то – без разницы», – подчерком, исковерканным еще в университетские годы, накарябала я равнозначно несуразный ответ, лишь бы отвязаться. «Кого ее?» – неизвестный решил продолжить наш чат в записках, не удовлетворившись формальной отпиской.

Тут уже мне пришлось призадуматься над ответом. В самом деле, кого? Девушку? Э-э... Нечего этих подростков раньше времени настраивать на романтический лад. У них и так вот-вот гормоны вскипят. Образование? Но это слово среднего рода, а не женского, к тому же супер занудное. Что там еще есть позитивненького в женском роде? Радость? Мечта? Работа? Все слишком абстрактно. А может просто прекратить переписку? С самого же начала было понятно, что это простая болталогия, которая не приведет ни к какой цели... хм... «Цель», – в конце концов, начиркала я и, ухмыляясь, кинула записку через плечо. «А ты ее нашла?» – после тычка в спину очень быстро вернулся очередной вопрос.

И, правда, какова цель моего пребывания в этом времени и в данном месте? Побыстрее отделаться от учебы? Как подобает настоящей стахановке, закончить пятилетку в два года? Еще какое-то время шокировать своими религиозными познаниями батюшек и прихожан, чтобы после бесследно раствориться в огромной толпе воцерковляющихся? Мелко все это и грустно до тошноты. Что же ответить незнакомцу, а главное самой себе?

Внезапно я вспомнила то время, когда вконец запутавшаяся и потерянная я начала свой поиск Бога. И как чуть позже с опаской впервые перешагнула церковный порог, не решаясь пройти дальше притвора. Тогда мне многое в храме показалось странным, непонятным, пугающим. И как же тогда хотелось, чтобы хоть кто-то доступно пояснил – что вообще здесь происходит и о чем монотонно бормочут с клироса? А потом, в период воцерковления я совершила кучу ошибок отчасти по неопытности, отчасти по совету таких же несведущих священников, руководствующихся не Священным Писанием, а какими-то бабьими сказками.

Чего только стоили наставления нашего настоятеля – отца Митрофана: «Если женщина хочет снять косу – то через пять минут после того, как сострижет волосы, благодать уходит от нее – ум покидает такую женщину».

«Кто живет невенчано много лет – это жизнь блудная. Родители блудят – дети блудные. Как только муж и жена повенчаются, грех блуда снимается».

«Разница в возрасте между женихом и невестой должны быть не больше двух лет, иначе счастливой совместной жизни не видать».

Подобные поучения никак не могли сделать из нас христиан, разве только запуганных фанатиков или пещерных людей, боящихся выйти наружу из-своего мирка. В этом узком и мрачном мире не было место для Христа. Ни о Нём, ни о Его благодатном учении, ни о Божьей любви мы почти ничего не слышали на проповедях, которые больше были похожи на инструктаж: «Во время службы не разговаривать...», «Платки повязывать так-то, юбки носить такие-то...», «Поклоны класть так-то...».

Конечно, потом появилась всякая духовная литература. Но в том-то и дело, что произошло это гораздо позже, чем требовалось мне. А после драки кулаками не машут.

Вот если бы тогда, в самом начале христианского пути, мне попало что-нибудь вроде инструкции, или там пособие какое-то, да хоть маломальская брошюра, помогающая избежать всех основных промахов и перекосов тогдашней церковной жизни! А главное, на основании Библии объяснялось бы, как правильно поступать в определенных моментах. И без всех этих «один старец сказал», без чрезмерных запретов и устаревших догм. Там непременно должна быть отражена суть Евангелия, чтобы люди не путали главное со второстепенным. Еще бы это сделать с красочными примерами из приходской жизни, с цитатами из Библии и святых отцов. Жалко, что подручного материала сейчас у меня совсем немного. Только переписанное Евангелие. А! Есть же еще Псалтирь. Хорошо, что я переписала всю книгу от корки до корки. Там были цитаты отцов. Нет, пожалуй, в брошюру все не уместится. Особенно если приводить ссылки и на классическую литературу.

Я даже не заметила, каким образом перешла от простого размышления «на тему» к разработке плана книги.

Раздался звонок. Я сложила свои вещи и вышла из класса. Краем глаза я заметила, как Хасанов (главный озорник класса) – коротко стриженный рыжий мальчуган с яркими веснушками во все щеки, проходя мимо моего места, незаметно взял оставленную мной свернутую вчетверо бумажку и сунул себе в карман. Наверное, его распирало любопытство, что же ему ответили?

Ну а я шла, не оборачиваясь, потому что знала, внизу записки значилось: «Написать книгу».

Глава 8

Глава 8. Осваиваясь в прошлом.

В прежней взрослой жизни я достаточно редко виделась со старшей сестрой. У каждой из нас была своя семья, свои заботы. Разве только пересекались на каких-нибудь семейных торжествах или в церкви.

В раннем детстве и даже несколько позже, мы, как и все дети, не очень мирно сосуществовали друг с другом. Нашей бурной возне постоянно сопутствовали крики, яростные драки, нелестные прозвища и ябеды родителям. Тем не менее, старшая сестра для меня всегда оставалась недостижимым идеалом, до которого я даже не пыталась дотянуться. Варвара слыла душой компании. Могла поддержать беседу и запросто на улице познакомиться с любым человеком. Отчасти в этом помогало увлечение фотографией. Когда ты с фотоаппаратом в руках, сразу возникает столько тем для разговоров. Да и контакты налаживаются легче. Сфоткаешь человека и спрашиваешь, куда прислать карточку.

Я же всегда находилась в тени сестры. С одной стороны, я участвовала во всех Вариных затеях и интригах, наблюдала, как она ведет себя с друзьями, вслушивалась в их разговоры. С другой стороны, навыки личного общения у меня в детстве так и не выработались. Поэтому без сестры я чувствовала себя никчемной и беспомощной. Даже увлечения я копировала с Варвары. И под ее влиянием тоже занялась фотографией.

Училась Варя исключительно на отлично. В то время как, из-за моих постоянных болезней, в семье радовались даже четверкам младшей дочери.

С годами обожание старшей сестры сменилось на более ровные чувства. Но до сих пор за Варю я готова была «порвать» любого.

Для Вари же младшая сестренка долгое время являлась скорее обузой. Я вечно увязывалась на её свидания или потихоньку прокрадывалась за ними с Геной в кино. Однажды, чтобы спокойно им вместе пообщаться, Гене даже пришлось подкупать меня кульком шоколадных конфет.

- Когда ты начнешь встречаться с парнями, я тоже буду путаться под ногами, - как-то пригрозила Варвара.

На что я - ребенок тут же цинично ответила:

- Тогда ты вырастешь, тебе будет совсем не до того.

Пришло время, и Гена ушел в армию. В его отсутствие рядом с Варварой организовалась непривычная пустота. И я с превеликим удовольствием юркнула в открывшуюся близ сестры нишу. Ночные разговоры, совместные увлечения, домашние дела и помощь в уроках невероятно сблизили нас с Варварой. И это родство не могли уже нарушить ни вернувшийся из армии Гена, ни последовавший за этим их с ним брак.

Поэтому теперь, имея возможность общаться с сестрой каждый день, я буквально наслаждалась разговорами по душам. Мне так хотелось поведать Варе все, что пришлось пережить за последние несколько месяцев. В подробностях описать терзания из-за потери мужа. Но больше всего, мне хотелось предотвратить ее неудачный брак, пока это было возможно.

Только я до сей поры запрещала себе это. Наверняка сестра стала бы визнавать о будущем. И не приведи Бог, ее любознательность привела бы к каким-нибудь плохим последствиям.

Как-то мы с Варварой закрылись в ванной комнате, чтобы проявить отснятые ею пленки. Во избежание случайного включения света, мы привычно выкрутили лампочку и поставили красный фонарь. Ванную накрыли фанерой и водрузили на нее громоздкий увеличитель. Развели химикаты и засели за любимое дело.

Я возилась с проявителем и закрепителем, а Варвара «колдовала» с проектором. Она добивалась спецэффектов, дозируя проекцию изображения на фотобумаге. Для этого, то там, то сям закрывая ее руками. Короче, все то, что в будущем запросто осуществлялось на компьютере с помощью фотошопа. Пахло уксусом и давно забытыми мною «ароматами» химикатов. Мы были счастливы.

- Скучаешь по Гене? – поинтересовалась я у сестры, чтобы прощупать почву для разговора.

- Еще бы! Но когда пишу ему письма, мне становится легче. Будто поговорила. Хорошо, что письма в армию бесплатные, можно хоть каждый день отправлять. Да и ждать осталось совсем недолго. Этой весной он вернется.

- Ты уже обещала выйти за него замуж? – я ждала ответ с замиранием сердца.

- А что?

- Я вот подумала, зачем ты спешишь обзавестись семьей? Ты же совсем молодая. Всего 19 лет. Год-другой и у тебя кардинально поменяется мировоззрение. Тогда совсем иными глазами посмотришь на кандидата в мужья.

- Если честно, я вообще замуж не хочу.

- Вот так сюрприз! А как же Гена?

- В том-то и дело, - задумчиво отозвалась Варвара. - Мне хорошо с ним и плохо без него. Мне нравится вместе гулять, чем-то заниматься...

- ... но для этого совсем не обязательно выходить замуж. Так?

- Да. Но не станет же Гена бесконечно ждать меня. К тому же, я постоянно ощущаю, что меня словно выживают из дома.

- Как это? – уставилась я на сестру. И в свете красного фонаря мне почудилось нечто зловещее, будто передо мной не Варя, а бедная овечка, приготовленная на заклание. - Хотя... кажется, я начинаю припоминать. Мне в детстве действительно хотелось поскорее завладеть нашей с тобой комнатой. Не исключаю, что и в разговорах я не раз ляпнула что-нибудь в этом духе. Ну, прости! Я больше ни за что не стану претендовать на часть твоей жилплощади. Живи, пожалуйста, здесь, сколько влезет и никуда не уходи.

- Да не в этом только дело. Еще и родители...

- А они-то причем? Ни за что не поверю, что подобный посыл исходит от папы. Такого просто не может быть. Ему твой необразованный Гена как кость в горле. А вот мама, пожалуй, да... Но с ней я поговорю и...

- Все равно, когда-то нужно выходить замуж.

- Слушай! Кому надо, тот пусть и выходит! Ты-то здесь причем? – выпалила я. – Выходить замуж только потому, что от тебя этого ждут – это же глупость несусветная! Да и вообще разрушительно для жизни. Твоей жизни. Понимаешь? Я бы еще согласилась, если действительно какая-то серьезная нужда. Там, не знаю... кушать нечего, а брак спасает от голодной смерти. И то, десятки раз стоит подумать, зачем такая жизнь вообще сдалась?

- Да, что ты так нападаешь на брак? Придет время, сама, сломя голову, помчишься выбирать туфли и платье.

- Пойми, я вовсе не против брака. Я лишь пытаюсь до тебя донести, насколько важно выполнять именно свое предназначение. А главное – не ошибиться с выбором партнера. Начнутся серьезные проблемы, чем тогда будешь утешаться? Что все так живут? Что это еще не самый худший вариант?

- А чем тебя Гена-то не устраивает? – возмутилась Варвара, не понимая, с чего вообще весь этот сыр-бор.

- Просто ответь себе на один вопрос...

- ...люблю ли я его?

- Нет. До брака про любовь ты вряд ли сумеешь адекватно ответить. Вопрос вот в чём - уважает ли он тебя?

- Разумеется!

- Не спеши. Вспомни хорошенько. Выслушивает ли он тебя или чаще перебивает? Хотя бы даже в шутку. Может быть, твое мнение для него вообще не шибко ценно? А как насчет фразочек типа «да все это ерунда», «ладно, проехали», «тоже мне, нашла, чем заморочиться, вот у меня – действительно проблемы»?

Барвара притихла и надолго задумалась так, что даже положила фотографию в закрепитель вместо проявителя. Суета и оханья вокруг запорченной фотки отвлекли нас от темы. Больше о браке мы не говорили.

Во второй четверти характер моей учебы изменился. Я больше времени стала уделять гуманитарным наукам, а всякой там алгеброй, химией и иже с ними занималась постольку поскольку. Лишь бы совсем в троечники не скатиться, а там – хоть трава не расти. Идея о книге для новоначальных христиан не оставляла и я стала завсегдаем городских библиотек. Очень кстати пришлось, что наш класс учился во вторую смену.

Почти каждый будний день я вместе со всеми домашними рано утром поднималась и уходила в библиотеку. Там проводила несколько часов. Но так, чтобы перед школой успеть пообедать. А вечерами готовила все домашние задания.

«График» посещения богослужений у меня тоже выправился. Родители ведь не знали, в какую из библиотек идет их дочь. Иногда «библиотека» оказывалась с куполом, увенчанным восьмиконечным крестом.

Уже все прихожане стали мне близки и знакомы. Враждебное окружение, ожидавшее верующих за церковной оградой, поневоле спланивало нас, нашедших жизненный смысл в единении с Богом в этом тихом городском квартале, напоминавшем скорее деревню своими частными домами и кукареканьем петухов по утрам.

«Лазутчиков» в церкви я вычисляла теперь «на раз». Обычно они стояли в стороне, хмуро всматриваясь в прихожан, и совсем не молились. Вскоре я заметила, что далеко не на всех службах они присутствовали. И когда их не было, я подходила к первому попавшемуся взрослому и задавала какой-нибудь самый элементарный вопрос о вере. Если человек не мог ответить (а так получалось практически всегда), то сама отвечала на свой вопрос и старалась завязать беседу.

Совершенно неожиданно открылось огромное преимущество моей детской внешности. В разгар коммунистического режима, люди не боялись говорить с ребенком о самом сокровенном. Не стыдились признаться, что чего-то не знают, так как в этот период времени никто ничего толком не знал о христианстве. Просто ходили в храм, потому, что здесь ощущали себя ближе к Богу. А разве нужно еще что-то? И тогда я подводила человека к ближайшей иконе и начинала рассказывать. Какой святой на ней изображен, какие духовные подвиги он нес Христа ради. Кто такой Христос, и чем вообще мы Ему обязаны. В общем, использовала храмовые образа вместо наглядных пособий. Недаром же иконы в старину называли Евангелием для неграмотных. Так постепенно сложился текст экскурсий для каждого из трех городских храмов, в зависимости от того, где какие имелись иконы.

Порой меня мучил вопрос, может, стоит более плодотворно использовать отпущенное время? Вскоре людское цунами захлестнет все храмы Союза. Как преобразовать этот неконтролируемый поток ничего не знающих о Боге людей в Церковь, сообщество поклоняющихся Господу в духе и истине. Но самое главное – как предотвратить их не менее мощный отток? Или нет. Самое главное – где для этого взять духовные силы, если сама уже столь безоговорочно как раньше не верю в значимость Церкви?

Я вдруг осознала, что при всем житейском опыте и осведомленности о будущем, мне так нужен был сейчас совет человека не просто верующего, а мудрого, духовно опытного, искренне любящего, наконец. Может, стоило обратиться к какому-нибудь старцу?

Где в это время найти каждого из известных российских православных старцев я знала. Благо, что в 85-ом году они все были живы. В силу их прозорливости, пожалуй, даже не придется им долго объяснять, в какой сложной и необычной ситуации я оказалась.

Но кого из них избрать? Чем больше я об этом думала, тем больше мне нравилась мысль обратиться к митрополиту Антонию Сурожскому. Хотя он вовсе и не являлся старцем, в обычном понимании, и не обладал прозорливостью, но именно с ним хотелось обсудить свою проблему. Вот только в чем незадача. Жил он в Англии. А свободно выпускать из страны начнут только с 92-го года, когда для разговоров по душам будет слишком поздно.

В прошлой жизни я впервые осознанно переступила порог церкви в 91-ом году. И уже тогда храм распирало от тучи народа, который особо некому было ни встретить, ни наставить. Значит, что-то серьезное требовалось предпринимать гораздо раньше... скажем, в 88-ом.

Хм... это же как раз год тысячелетия Крещения Руси. И владыка Антоний наверняка ради этого события приедет из Англии. Ну, конечно! Как я сразу не догадалась? В поезде я читала сборник проповедей владыки, сказанных в России. Какие там были даты? Кажется... июнь 88-ого? Точно! Я еще про себя отметила, что два знака бесконечности. Да и число запомнила точно. 11 июня – накануне Дня России!

Меня аж в жар бросило. Наконец-то в жизни начиналось складываться хоть что-то конкретное. Вот только где именно произнесена была проповедь, я никак не могла вспомнить.

Но чем занять три оставшихся года до 88-го? Просто учиться в школе год за два? В этом случае выпускные экзамены как раз выпадут на 88-й год. Тогда ни под каким предлогом из дома в июне не уедешь. Значит, с учебой придется притормозить и больше не скакать напуганным зайцем из класса в класс. Но это все равно не решает, как встретиться с митрополитом. Ох, дела, дела...

Весть, что зимой уроки физкультуры будут проходить на улице, я восприняла двояко. С одной стороны, приходилось в школу тащить тяжелые лыжи и прочее обмундирование. А лыжи я, мягко сказать, не любила. Но с другой... вот тут-то и началось все интересное. В нашей школе разрешалось выбирать между лыжами и коньками.

В верхней кладовке, располагавшейся над кухонными дверями, я отыскала свои коньки. Со знанием дела взяла их в руки, быстрым привычным движением перевернула вверх лезвием и... поморщилась. Не заточены. Совсем.

В детстве я и не знала о таких тонкостях ухода за коньками, как заточка. Просто одевала, что покупали родители, которые о заточке коньков тоже не имели ни малейшего понятия, и все. Да что там заточка! Все детство я и кататься-то толком не умела, а только шагала в коньках по льду или вовсе по плотно утопанному дворовому снегу. Иногда мне удавалось слегка оттолкнувшись, проехать полметра одновременно на двух ногах. А потом я опять долго-долго ходила до следующей попытки в несколько секунд.

Но, когда я была уже взрослой, наша православная молодежка договорилась с Дворцом спорта о катании раз в неделю на профессиональном катке. Перед выходом на лед, по катку проезжала специальная машина, сглаживавшая все неровности и шероховатости. И потом на эту зеркальную гладь высыпала веселая братья-сестринская ватага лет этак от пяти и до пенсионного возраста.

Под видом молодежи здесь катались и прихожане, и священноначалие всех городских храмов. А также те из их детей, кто мало-мальски держался на коньках. Каталась и я. Вернее, целый час, отведенный нашему сообществу, ходила вдоль бортика, судорожно цепляясь за

него. Остальные, тем временем, со свистом пролетали мимо, смеялись, падали, поднимались, опять падали, но при этом, в отличие от меня, не хватались за спасительную опору.

А потом осмелевшая братия, во главе с молодым настоятелем нашего храма, стала отгораживать половину катка и играть на ней в хоккей. Для меня это значило, что довольно большое расстояние придется передвигаться без бортика. И самое странное – вдруг стало получаться. Более того, наблюдая, как катаются остальные, я осознала, что до этого абсолютно неправильно держалась на льду. Настоящее катание начинается, если хотя бы секунду движешься только на одной ноге, а потом столько же на другой. А не когда оттолкнешься и едешь сразу на двух ногах, испуганно вереща впереди катающимся: «Ай! Мамочки! Ой-ой! Дайте дорогу, я не умею... А-а-а!»

Потом неожиданно количество проведенных на льду часов, даже с моими несуразными движениями, стало переходить в качество. Ноги запомнили, как и что им нужно делать. За сезон катания многие прихожане начали выдавать всякие фортеля, вроде езды назад и даже каких-то прыжков. Я научилась разве только движению по прямой. Но уже это стало отличным результатом. И без преувеличения сказать – иным уровнем.

Теперь с замиранием сердца я натянула на вязаные носки свои детские коньки. Последние оказались явно большими. Наверно их покупали на вырост. А скорее всего других в спортивном магазине просто не было. Родители увидели единственную пару и тотчас взяли, пока их не опередили покупатели побойче. Ноги в этих коньках хлюпали и гуляли от стенки к стенке, как подвыпивший лоцман пиратского корабля внутри каюты. Это ободрило, и я их примерила на два носка. Когда я одела третью пару вязанных бабушкой носков, коньки на стопе стали как влитые, а я возликовала. Это значило, что даже при быстром росте ступни, проблем с наличием коньков в ближайшие два, а то и три года, не возникнет. Я помнила, что при всем желании другую пару достать не удастся. То есть лет двадцать после школы кататься я просто не смогу. А потому требовалось использовать выпавшую удачу на все 100, а лучше 200%. Не только кататься, но и гулять, и даже спать с коньками.

Так нежданно-негаданно физкультура стала моим любимым предметом. И как жалко, что урок длился всего 45 минут. Хотя бы минут на 15 побольше... А то – пока выйдешь из школы, пока доберешься до ледовой коробки, чуть-чуть покатаешься, а там и возвращаться пора.

И уже не важно, что тяжелые и неудобные коньки приходилось таскать с собой в школу, даже когда не было физкультуры (чего терять драгоценное время на дорогу туда-сюда, да и к школе ледовая коробка явно ближе), что лед чистили в лучшем случае двуручной лопатой и местами его поверхность достаточно ощутимо бугрилась.

Выходные дни теперь я тоже проводила на катке. Вот уж когда меня ограничивало не время, проведенное на льду, а лишь неприятные сюрпризы погоды в виде обильного снегопада или сильного мороза. Если по телевизору транслировали фигурное катание, я глазами впивалась в экран, стараясь запомнить движения фигуристок. А потом силилась повторить их на катке. Далеко не всегда у меня это получалось, но постепенно я худо-бедно освоила торможение, подсечку назад и ласточку. Последняя получилась далеко не идеальной и всего-лишь несколько раз, но все же я и ласточку записала в список своих достижений.

Время шло. У меня заканчивалась вторая четверть. А Варю после Нового года ждала очередная сессия.